

И.В. Курукин

НА ПУТИ В ИНДИЮ

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

1722-1723 гг.

РАТНОЕ ДЕЛО

*Вступление императора Петра I Великого в Тарки 13 июня 1722 года.
Картина Ф.А. Рубо. 1893 г.
(Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой)*

РАТНОЕ ДЕЛО

И.В. Курукин

НА ПУТИ В ИНДИЮ
ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД
1722–1723 гг.

Москва • 2015

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)511-68
К93

Курукин, Игорь Владимирович.

На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг. / И.В. Курукин. – М. : Русские Витязи, 2015. – 64 с. : ил. – (Ратное дело). – ISBN 978-5-903389-91-9.

Летом 1722 года Петр I в последний раз возглавил свою армию и флот. Император двинулся на Каспий — он мечтал об открытии нового пути в Индию; его манили шелк, пряности и другие богатства Востока, которые бы пошли на рынки Европы через Россию. Русские войска заняли Дербент, Баку и иранскую провинцию Гилян; по договору 1723 года эти земли были уступлены Ираном России. О Персидском походе Петра I, о военных действиях и дипломатических переговорах рассказывает эта книга.

В серии «Ратное дело» готовятся к выходу следующие книги:

Д.С. Рябушкин. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г.

В.А. Артамонов. Дунайский поход 1711 г.

О.Ю. Куц. Азовское осадное сидение 1641 г.

А.Н. Лобин. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

И.Б. Бабулин. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)

А.И. Филюшкин. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов»
и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.

С.Г. Нелипович. Австро-русско-турецкая война 1735–1739 гг.

С.Г. Нелипович. Война за Польское наследство 1733–1736 гг.

О.А. Курбатов, Я.Н. Рабинович. Борьба за Тихвин в 1613 г.

ISBN 978-5-903389-91-9

9 785903 389919 >

© Курукин И.В., 2015.

© Фонд «Русские Витязи», 2015.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Се знойные Каспийски бреги,
Где, варварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Пётр прошёл...*

М.В. Ломоносов.

Ода на день восшествия на престол ея
императорского величества государыни
императрицы Елисаветы Петровны 1748 года

«... Тако в сих краях, с помощью Божию, фут получили, чем вас поздравляем» — на радостях писал 30 августа 1722 года Пётр I в Петербург из только что открывшего ему ворота Дербента. Поход на Каспий стал отправной точкой «Кавказских войн», — длительного процесса присоединения к России территорий от Кубани и Терека до сложившихся в XIX в. границ с Турцией и Ираном. Неудивительно, что тогда же стали появляться первые исторические описания этого предприятия¹, полковые истории², труды биографического жанра³, порой содержавшие утраченные впоследствии или труднодоступные источники, и публикации документов, не потерявшие значения до нашего времени⁴.

В 1951 году вышла первая и единственная в советское время монография В.П. Лыцова, посвящённая этому петровскому «проекту»⁵. Автор подробно рассмотрел предысторию военно-политической акции и её ход. Однако он сразу же подвергся критике за стремление выявить «якобы имевшие место» экономические цели петровского похода, в результате чего, по мнению рецензента, продемонстрировал не «прогрессивный характер присоединения иранских народов», находившихся «под турецким игом и персидским гнётом», а «стремление [России] к захватам»⁶. Добротная сделанная монография, однако, не исчерпывает всех имеющихся источников. С тех пор в отечественной историографии не было отдельных исследований по теме, за исключением очерков

и экскурсов в работах военно-исторической тематики⁷ и в трудах, посвящённых внешней политике России XVIII столетия⁸. В последнее время вышли публикации ряда документов и статей, характеризующих положение Низового корпуса⁹.

Другие аспекты пребывания российских войск и администрации в Прикаспии рассматривались в работах историков бывших советских союзных и автономных республик под углом зрения истории данного региона и народа и преимущественно с позиции совместной борьбы против турецких или иранских притязаний¹⁰. Появлялись подобные исследования и позднее¹¹, но уже с иными оценками: бывшие «содействие экономическому развитию» и защита «от грабежей и насилий иранских захватчиков и турецких наймитов» именуется оккупацией, а «измены сепаратистски настроенных местных феодалов» — «антиколониальными выступлениями в русской оккупационной зоне». Прежняя «помощь» со стороны России соответственно трактуется как реализация собственных планов или стремление к «порабощению» закавказских народов¹².

Однако тема отнюдь не представляется «закрытой». По печальному признанию одного из известных специалистов, «прошлое народов Кавказа превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй. Они исполнены мифами о “нашем” великом культурном и территориальном наследии, на которое якобы покушаются соседи — “варвары”, “агрес-

соры” и “пришельцы”»¹³. Однако более плодотворными представляются современные исторические подходы, выдвигающие на первый план новые «измерения» прошлого — военно-историческую антропологию, историю повседневности, изучение социальной психологии и представлений современников изучаемых событий.

Появившиеся в последнее время сочинения представляют собой беллетристические произведения¹⁴ либо поверхностные обзоры, в которых, к примеру, идёт речь о планах «завоевания Южного Кавказа» в духе так называемого «завещания» Петра I; о не имевших места в действительности занятии русскими Мазандерана, столкновениях с турецкими войсками и убийстве российского посла¹⁵. Даже в научных работах можно встретить ошибочные утверждения о возвращении императора на юг в 1723 году и повторном занятии им Дербента¹⁶ или о захвате Астрабада войсками корпуса¹⁷.

Действия России на Востоке по-разному оцениваются в научной и педагогической литературе — как «военное столкновение с Персией»¹⁸, военная помощь шахскому Ирану¹⁹, своевременное предупреждение турецкого вторжения²⁰, решение национальной задачи обеспечения безопасности юго-восточных рубежей²¹ или «колониальное освоение захваченных территорий» с целью завоевания Закавказья²². Не случайно непроработанность этого сюжета приводит к «устранению» его не только из школьных учебников, но и из академических трудов²³.

Автор стремился представить документированный рассказ о первой большой внешнеполитической акции Российской империи за пределами традиционной сферы её влияния. Персидский (или, как предлагали его называть некоторые историки, Каспийский) поход Петра I 1722–1723 годов стал попыткой реализации имперских задач внешней политики. Кроме того, петровский марш на Восток стал началом длительного процесса присоединения Кавказа. Не вдаваясь в споры о природе и содержании событий «Кавказской войны» в её привычных рамках, нам кажется справедливым мнение о наличии не одной, а нескольких таких войн в период с 1722 года до подавления

последнего большого восстания в Чечне и Дагестане в 1878-м. А ещё точнее, не столько собственно войн, сколько сцепления разнохарактерных и разновременных конфликтов — внутреннего развития горских обществ, их сопротивления российскому продвижению на Кавказ, борьбы российских властей с набегами, межэтнических столкновений и непрерывных усобиц, наконец, столкновения различных цивилизаций и борьбы за раздел Закавказья между великими державами²⁴.

Об устойчивом интересе к данной проблематике говорит появление в последнее время диссертаций по различным проблемам истории Кавказского региона и его взаимоотношений с Россией в XVIII веке²⁵. Свидетельством того, что подобная задача назрела, стало появление исследования дагестанского историка Н.Д. Чекулаева о российском присутствии на берегах Каспия в 1722–1735 годах, подготовленного на основе документов из фондов дагестанских архивов²⁶.

Наша работа базируется на материалах центральных архивов, которые в значительной части ещё не вводились в научный оборот и способны добавить новые штрихи в освещение и понимание масштабной военно-политической акции петровской эпохи.

Это прежде всего документы Архива внешней политики Российской империи — указы и рескрипты дипломатическим представителям и командованию Низового корпуса, реляции и доношения последних о положении дел в завоёванных провинциях; переписка с турецкими и иранскими властями; рапорты о состоянии армии, в том числе черновой журнал похода 1722 года. Данные материалы дополняются и отчасти дублируются документами, отложившимися в фонде императорского Кабинета в Российском государственном архиве древних актов; бумаги Сената отражают процесс комплектования, снабжения и финансирования войск; дела из других коллекций содержат дипломатическую и частную переписку командующих корпусом, астраханского губернатора А.П. Вольнского, информацию о доходах и расходах российской администрации на завоёванных территориях.

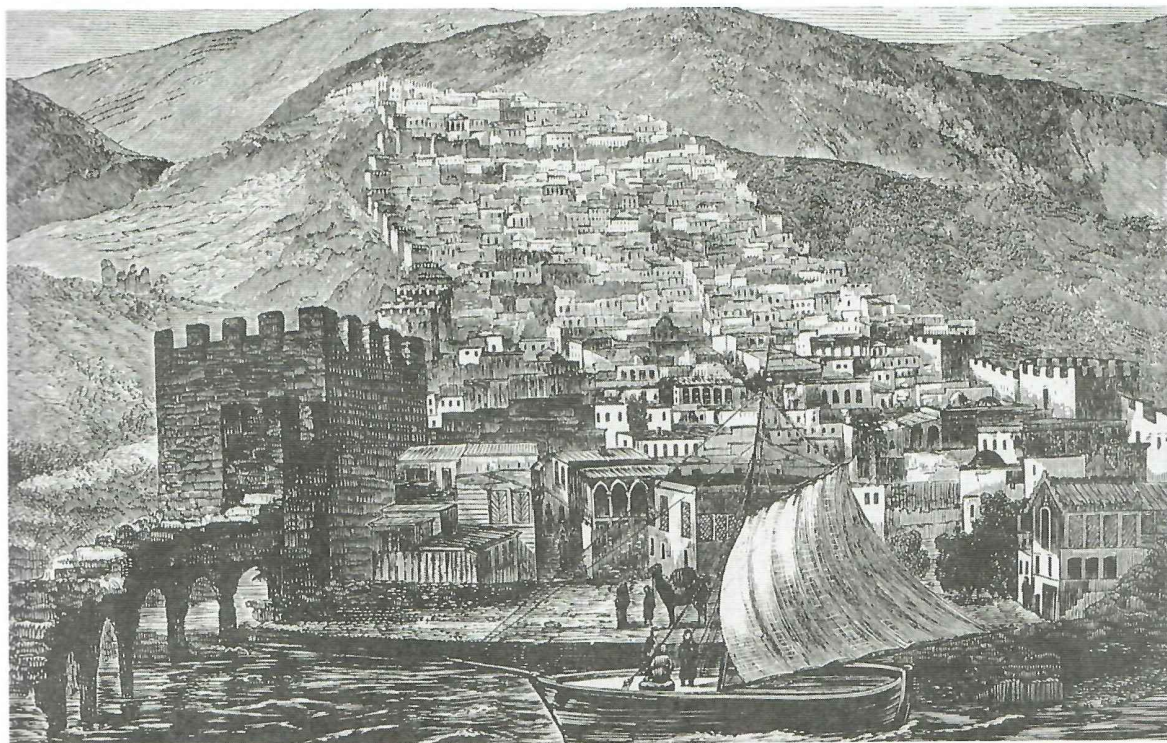
Документы Военной коллегии из Российского государственного военно-исторического

архива содержат подробные данные о формировании контингента российских войск в Иране и их действиях по подавлению сопротивления местного населения. В РГАДА и РГВИА хранятся карты российских владений в Иране, составленные военными инженерами XVIII века.

Специфика источниковой базы состоит в том, что автору и читателю приходится иметь дело, с одной стороны, преимущественно с указами монарха и Коллегии иностранных дел, с другой — с доношениями и рапортами командования Низового корпуса. Эти документы «генеральского» уровня адекватно охватывают масштаб происходивших событий и освещают направление (или изменение) политического курса в отношении «новозавоеванных провинций», но в меньшей степени отражают повседневную жизнь солдат и офицеров и их контакты с местным населением. Многие из стоявших в Дагестане, Азербайджане и Гиляне полков были в XVIII веке расформированы, и их архивы исчезли. Практически не сохранились бумаги военных органов управления в Иране — местных провинциальных и суд-

ных канцелярий: после ухода в 1735 году российских войск с Кавказа и из Ирана они, скорее всего, были утрачены за ненадобностью. Содержавшаяся в них информация лишь частично входила в доношения вышестоящих лиц или прилагалась к ним. К сожалению, нет и сопоставимого с ними комплекса документов местного происхождения, что неизбежно обедняет исследование.

Многие же события из жизни российских солдат и офицеров на Востоке вообще не фиксировались документально и оставались только в памяти очевидцев и участников в виде семейных преданий, легенд и анекдотов. У поглощённых службой людей первой половины XVIII столетия ещё не появилась потребность вести дневники и писать воспоминания. Тем более ценными являются немногие подобные документы, исходившие от лиц с иным уровнем образования и культурными традициями, например мемуары участника похода 1722 года капитана артиллерии Питера Генри Брюса — двоюродного племянника знаменитого сподвижника Петра I генерала Якова Брюса²⁷.

Вид Дербента. Рисунок XIX в.

«НЕКОТОРЫЕ СУДА К ТОМУ ПОХОДУ НЕ ПОСПЕЛИ»

Июльской ночью 1722 года на палубе корабля в Каспийском море Пётр I поделился планами с моряком и учёным Фёдором Соимоновым. «“Был ты в Астрабатском заливе?” И как я донёс: “Был”, — на то изволил же сказать: “Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана (Бадахшана в Афганистане. — И.К.) и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии середина всех восточных комерцев. И видишь ты горы? Вить и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может”»²⁸.

Глядя на свою флотилию с десантной армией, император мечтал о пути в Индию. В 1716 году на восточном побережье Каспийского моря была основана Красноводская крепость, а в следующем в пустыню отправилась шеститысячная экспедиция капитана гвардии Александра Черкасского. Ей предстояло «склонить» хивинского хана к дружбе с Россией и... перекрыть плотиной Амударью, чтобы с пользой для империи пустить её воды по древнему руслу в Каспийское море и «до Индии водяной путь сыскать». Правда, доплыть в Индию через горные хребты Центральной Азии было невозможно, но тогда никто в Европе об этом ещё не знал. Царь мечтал «повернуть» на Россию проходивший через Иран и Турцию древний караванный путь шёлковой торговли. Прикаспийские земли поставляли бы его империи некое «эзенгоутово дерево» для флота, нефть, медь, свинец, табак, вино, сухие фрукты, пряности и, главное, персидский шёлк. В устье Куры царь собирался «заложить большой купеческой город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединились и оттуда бы продолжались до Астрахани».

Можно только удивляться размаху замыслов Петра: повернуть течение рек, проложить новый трансевразийский путь с берегов Балтики в Индию; установить протекторат над Грузией и Арменией и всей Средней Азией, связав тамошних владельцев «союзными» договорами и учреждением при них гвардии из «российских людей».

Отряд Черкасского в 1717 году был истреблён войском хивинского хана. Но неудача не остановила Петра. Побывавший в Иране в качестве посла в 1717–1718 годах Артемий Петрович Волынский прямо призывал царя устроить поход на Персию: «...хотя настоящая война наша нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не токмо целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присоединить без труда можно, к чему нынешнее время зело удобно». В 1715–1720 годах морские экспедиции описали восточный и западный берега Каспия, что сделало возможным составление первой точной карты этого моря, которую Пётр в феврале 1721 года отправил в Парижскую академию наук.

В том же году победным миром для России закончилась Северная война, а соседний Иран оказался на грани распада — против бессильного шаха Султан Хусейна одна за другой поднимали восстания провинции. Годом ранее Пётр пожаловал назначенному астраханским губернатором Волынскому чин генерал-адъютанта и поручил ему координацию всей «персидской» политики на месте. Царь собственноручно дал ему указание об отправке в Шемаху офицера «бутто для торговых дел», а на деле затем, чтобы он «туда или назад едуци сухим путем от Шемахи верно осмотрел пути»

и особенно «неудобной» участок возле Терков. Самому губернатору предписывалось поддерживать контакты с грузинским царём Вахтангом VI*, чтобы тот «в потребное время был надёжен нам», а также «при море сделать крепость» с «зелёным анбаром» (пороховым погребом. — И.К.) и «суды наскоро делать прямые морские и прочее всё, что надлежит к тому по малу под рукою готовить, дабы в случае ни за чем остановки не было, однако ж всё в великом секрете держать»²⁹.

В декабре 1720 года царь отменил последнее распоряжение — точнее, велел подождать со строительством «до предбудущего 1722 году», но зато потребовал от губернатора прислать «для пробы» образцы верблюжьей шерсти, «персидских кушаков» и «гилянских рогож». Кроме того, Петра интересовали иранские изюм и шафран, которые он предполагал сбывать в соседней Польше; царь, как опытный коммерсант, заметил, что стол польской шляхты не может обойтись без этих специй³⁰. Волынский же призывал Петра поддержать царя Вахтанга и послать ему пять-шесть тысяч российских солдат. Губернатор считал, что с таким подкреплением грузинам и при условии отправки российского «десанта в Персию тысячах в десяти или больше» Россия вполне могла получить приморский Дербент и богатую Шемаху³¹.

Скоро появился и предлог для начала военных действий. Повстанцы Ширвана во главе с предводителем Хаджи Даудом (Дауд-беком) и казикумухским Сурхай-ханом совершали набеги на Ардебиль и Баку, угрожали Дербенту. Волынский в июне 1721 года обнадёжил «бунтовщика» Хаджи Дауда секретным известием, что российскому государю «не противно, что

он с персианами воюет». Но иллюзий в отношении нового «приятеля» посол не питал: «Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен; посылаю я к нему отсюда поручика (как я перед сим вашему величеству доносил), через которого ответствует ко мне, что конечно желает служить вашему величеству, однако ж, чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он конечно отберёт города от персиан, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а также уступит вашему величеству кои по той стороне Куры реки до самой Гиспогани (Исфахана. — И.К.), чего в руках его никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза»³².

В августе 1721 года повстанцы взяли Шемаху. Правитель провинции Гуссейн-хан был убит вместе с сотнями других горожан. При грабеже гостиных дворов русские купцы были «обнадёживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали»; некоторые торговцы были убиты, а все товары разграблены³³. По сведениям из «экстракта ис поданных доношений о том, коликое число было у купецких людей товаров в Шемахе и кого имяны», ущерб оценивался «на персидские деньги 472 840 рублей на 29 алтын»³⁴. Волынский послал в Шемаху переводчика Дмитрия Петричуса, но предводитель мятежников заявил тому, что о возмещении убытков «и думать не надобно, чтоб назад было отдано для того, что у них обычай в таких случаях: ежели кто что захватит, того назад взять невозможно»; якобы даже ему самому не удалось получить свою долю того награбленного имущества шахского наместника³⁵.

«По намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины», — убеждал Волынский царя в донесении от 10 сентября 1721 года; такое вторжение, считал он, теперь будет выглядеть выступлением «не против персиан, но против неприятелей их и своих». Он призывал Петра выступить в поход следующим летом, поскольку, «что ранее изволите начать, то лутче, и труда будет менее». Напористый губернатор был уверен: «...невеликих войск сия война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди — скоты воюют и разоряют». Он под-

* Вахтанг VI (1675–1737) — наместник (1703–1711) и царь (1719–1724) Картли — области в центре и на востоке Грузии. Рассчитывал с помощью России освободить Грузию, сумел создать относительно боеспособное войско; под его руководством был подготовлен свод законов — «Уложение царя Вахтанга», которое действовало на всей территории Грузии, а некоторые его нормы применялись и после присоединения Грузии к России. В 1709 году по инициативе Вахтанга в Тбилиси была основана первая грузинская типография, в которой вместе с церковными книгами печатались учебники и была издана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с комментариями самого царя.

считал, что судьбу операции решат максимум десять пехотных и четыре кавалерийских полка вместе с тремя тысячами казаков и «русской кураж и смелость». Успех гарантирован — «толко б были справная амуниция и довольное число провианту»³⁶.

В то время так думал не только он. Консул Семён Аврамов в донесениях также рисовал картину разложения шахской армии, бессилия правительства, которое рассчитывало в борьбе с мятежниками только на помощь самих же горских князей и Вахтанга VI, и делал неутешительный прогноз: «Персидское государство вконец разоряется и пропадает»³⁷.

Зимой 1721/22 года был сформирован экспедиционный Низовой корпус; по указу Военной коллегии от 27 ноября 1721 года «за приписанием» Меншикова в него вошла половина личного состава двадцати армейских полков «финляндского корпуса» (начиная с капральств): 1-го и 2-го гренадерских, Воронежского Троицкого, Нижегородского, Московского, Санкт-Петербургского, Тобольского, Копорского, Галицкого, Шлиссельбургского, Казанского, Азовского, Сибирского, Псковского, Великолуцкого, Архангелогородского, Вологодского, Рязанского и Выборгского. Выделенные половины капральств объединялись в четыре роты, а последние составляли сводные батальоны, которые направлялись в Центральную Россию «ради облегчения здешних мест в квартирах». Помимо указанных двадцати батальонов пехоты к походу готовились Астраханский полк, половина Ингерманландского полка (в том числе все его гренадеры), по два батальона от обоих гвардейских полков (вместе с половиной всех гренадеров-семёновцев и бомбардирской ротой преображенцев) и семь драгунских полков (Московский, Архангелогородский, Рязанский, Ростовский, Астраханский, Новгородский и Казанский)³⁸.

В поволжских городах (Угличе, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани) силами местных плотников и солдат направленных сюда армейских батальонов развернулось строительство транспортных ластовых судов и «островских лодок» (вместимостью по 30–40 человек); такелаж и паруса для их оснащения брали с кораблей на Балтике.

12 апреля 1722 года М.А. Матюшкин докладывал Петру I из Твери о постройке двадцати семи ластовых судов. Бригадиры В.Я. Левашов в Угличе, И.Ф. Барятинский в Ярославле делали островские лодки силами находившихся в распоряжении каждого десяти батальонов солдат³⁹. Недостающие суда «отписывались» у владельцев. Заготавливались необходимые снаряжение (порох, боеприпасы, котлы, бочки для воды, ложки) и провиант (сухари, мука, вино, пиво, вяленая рыба, сбитень); главной тыловой базой стал Нижний Новгород⁴⁰. Для обслуживания судов с Балтийского флота было приказано взять соответствующее число «морских служителей». Пётр торопил с окончанием постройки и снаряжения флотилии, но корабли к сроку (началу мая) не поспевали, а потому с ведома государя отправлялись вниз по Волге без такелажа, «чтоб мочно дорогою доделать»⁴¹. Последние транспорты со всякими флотскими «припасами» вышли из Нижнего Новгорода 21 июля. Построенные «с великим поспешением» корабли оказались не готовыми к каспийским штормам, что и стало роковым препятствием для продолжения похода...

После неудачного Прутского похода 1711 года Пётр I не желал рисковать — вступившая в период упадка, но всё ещё могущественная Османская империя оставалась главной силой в Закавказье. 13 мая 1722 года в доме Меншикова в Москве царь принял турецкого посланника Мустафу-агу и заверил его в желании сохранить заключённый в Стамбуле в 1720 году договор о «вечном мире». Государь объяснял: он отправляется на юг только для того, чтобы «укротить» взбунтовавшихся подданных шаха, которые перебили в Шемахе русских купцов и разграбили их товары. Резиденту в Стамбуле Ивану Неплюеву было указано: если турки спросят о возможных российских «присовокуплениях» в Иране, можно предложить им «объявить свои намерения» на этот счёт, чтобы в дальнейшем действовать «с общего согласия»⁴².

В тот же день Пётр выехал из Москвы «сухим путём» в Коломну, где к нему присоединилась императрица Екатерина Алексеевна, а оттуда они уже вместе отправились на галере вниз по Оке на Волгу. Плыли весело — с гудошницами и бандуристом, а также «со вдовой

*Царь Петр I. 1720-е гг.
Портрет работы Ж.-М. Наттье
(Музей Резиденции, Мюнхен)*

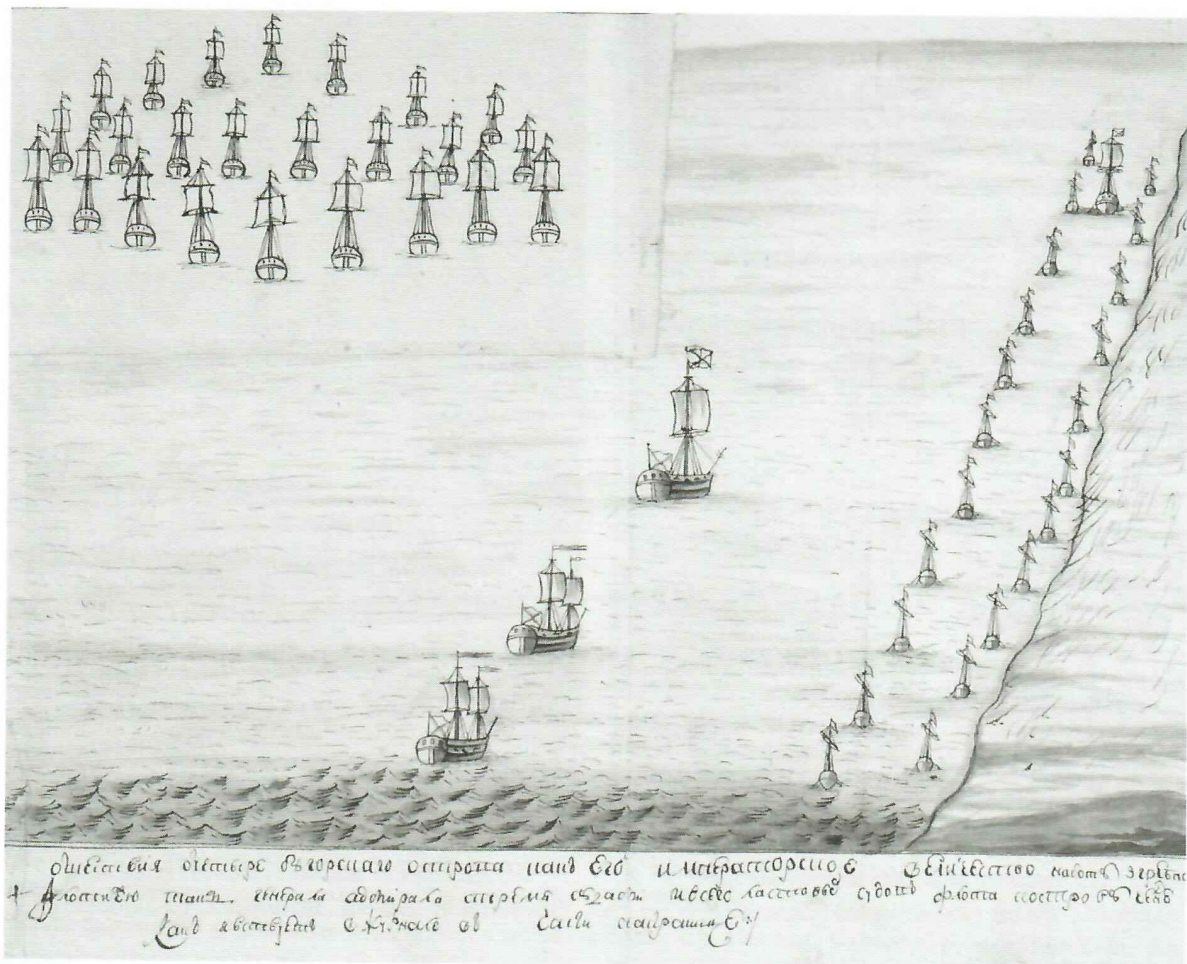
*Екатерина I. 1717 г.
Портрет работы Ж.-М. Наттье
(Государственный Эрмитаж, С.-Петербург)*

Авдотьей Истленевой, которая для увеселения их величества взята в Казани на галеру...»; при отпуске она получила за труды десять рублей. Царь в дороге успевал и заниматься делами: в Саратове встретился с калмыцким ханом Аюкой, у Тетюшей осмотрел верфи и другие предприятия, а также развалины древнего города Булгара — и развлекаться. Среди его расходов числятся «...коломятенке посадской вдове... за свинью, которую загрызла собака Левик, полтина... баронов Строгановых человеку Максиму Гремзалову за две свиньи, которых травили собаками в Нижнем, две рубли» (в Нижнем Новгороде государь отметил день рождения)⁴³.

19 июня император прибыл в Астрахань, где праздновал годовщину полтавской виктории. Собранные пехотинцы вместе с тремя батальонами гвардии на 10 июля 1722 года составляли 21 069 человек, а к 31 июля, моменту высадки на дагестанский берег, части насчитывали

18 602 человек — остальные находились «в отлучках», были больны или состояли при больных⁴⁴. Командование сводными «дивизиями» Пётр возложил на генерал-майоров М.А. Матюшкина, Г.Д. Юсупова, И.И. Дмитриева-Мамонова, Ю.Ю. Трубецкого, бригадиров В.Я. Левашова и И.Ф. Барятинского.

Генерал-майор Гаврила Кропотов степью вёл на юг Московский, Архангелогородский, Рязанский и Ростовский драгунские полки; другой корпус под командой бригадира Андрея Ветерани включал Новгородский, Астраханский и Казанский драгунские полки. Двинулся в поход и Астраханский губернский драгунский полк. Всего конница насчитывала по списочному составу 10 064 человека (по подсчётам Военной коллегии на апрель 1722 года)⁴⁵. С ними шли 12 тысяч украинских и 4300 донских казаков; позднее прибыли 3727 калмыков⁴⁶; однако не все они участвовали в военных действиях.

Поход флотилии Петра I к берегам Дагестана. Из рукописи Ф.И. Соимонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 48а)

Общая численность войск, предназначенных для участия в походе, составляла около пятидесяти тысяч человек, однако с учётом отставших и оставшихся в лагере (часть драгун Кропотова строили плотину на Сулаке и «транжамент») непосредственно в марше от места высадки до Дербента участвовало меньше сорока тысяч единиц регулярных и иррегулярных войск. Построенный флот должен был обеспечить переправу войск и снаряжения и снабжение провиантом на берегах Каспийского моря.

Казалось, крах соседней державы близок. Афганский предводитель Махмуд с двадцатитысячным войском двинулся на Исфахан. Сра-

жение при Гюльнабаде 25 февраля 1722 года закончилось разгромом шахской армии, в бою погиб один из её лучших полководцев — Ростом-мирза, брат Вахтанга VI. После этого Махмуд предложил шаху мир на условиях уступки Кандагара, Систана и Хорасана, выплаты контрибуции в 50 тысяч туманов и женитьбы Махмуда на шахской дочери. Когда эти условия были отвергнуты, завоеватели начали осаду иранской столицы, продолжавшуюся семь месяцев — с марта по октябрь 1722 года.

25 июня Пётр I повелел российскому консулу в Иране Семёну Аврамову объяснить Султан Хусейну, что русский царь знает о начавшейся осаде Исфахана и идёт «к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Пётр предлагал соседу помощь в изгнании «всех их неприятелей... ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабо-

сти останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всею Персиею завладеть, что нам противно». Царь предлагал немедленно прислать «к нам посла своего (с полною мочью, с кем о том договоритца), где мы будем обретаться у Каспийского моря»⁴⁷.

2 июля Пётр лично составил письмо Вахтангу VI о скорой встрече с ним «на персидских берегах». Император рекомендовал союзнику, чтобы «ваших народов христиания, которые под турецкою властью, ныне никакого б движения не чинили, дабы тем не привлечена была оная держава напрасно к затруднению сего от Бога благословенного дела». В «словесном приказе» отправлявшемуся в Грузию полковнику русской службы Борису Туркистанову (Баддур Туркистанишвили) государь уточнил, что надеется встретить грузинское войско «на Тархат» или у Дербента⁴⁸.

Три дня спустя был объявлен приказ Апраксина по войскам об «остережении» в еде и питье и условиях марша в «жарких краях»:

«Об остережении чего надлежит остерегатца в сих жарких краях

...в ядении рыб чинить по прежнему указу *кваше* как здесь, так и куды идём. Ещё больше остерегание иметь надлежит от фруктов ради их множества, так же от солёного, не токмо от рыбы, но и от мяса, чего ради оногo с собою отнюдь не брат[ь], как на полторы или на две недели, *кроме ветчины, которую употребляют[ь] толко для навару, а так не есть*, понеже когда на землю выидем и марш землёю иметь будем в самые жары и в таком жарком климате, где запрещается весьма всё соленое есть, понеже и от жару довольно жажды будет, колми же паче от солёного. Фрукты лучше не есть вовсе, но понеже того трудно учинить, того ради хоть и есть, но мало, а особливо остерегатца от дынь, слив, *шелковицы* и винограду, от которых тотчас может кровавой понос и протчие смертныи болезни припасть. Маршентерам запрещается все фрукты, тако ж всякую рыбу продавать и мясо, когда на землю выидем, под наказаньем и вечною работою галерною.

Тако ж смотреть, дабы никто от 9-го часа шутру до 5 часов пополудни без шляп не ходили и не сидели. Где кровли нет, тако ж чтоб не под кровлею и на голой земле не спали ж, но

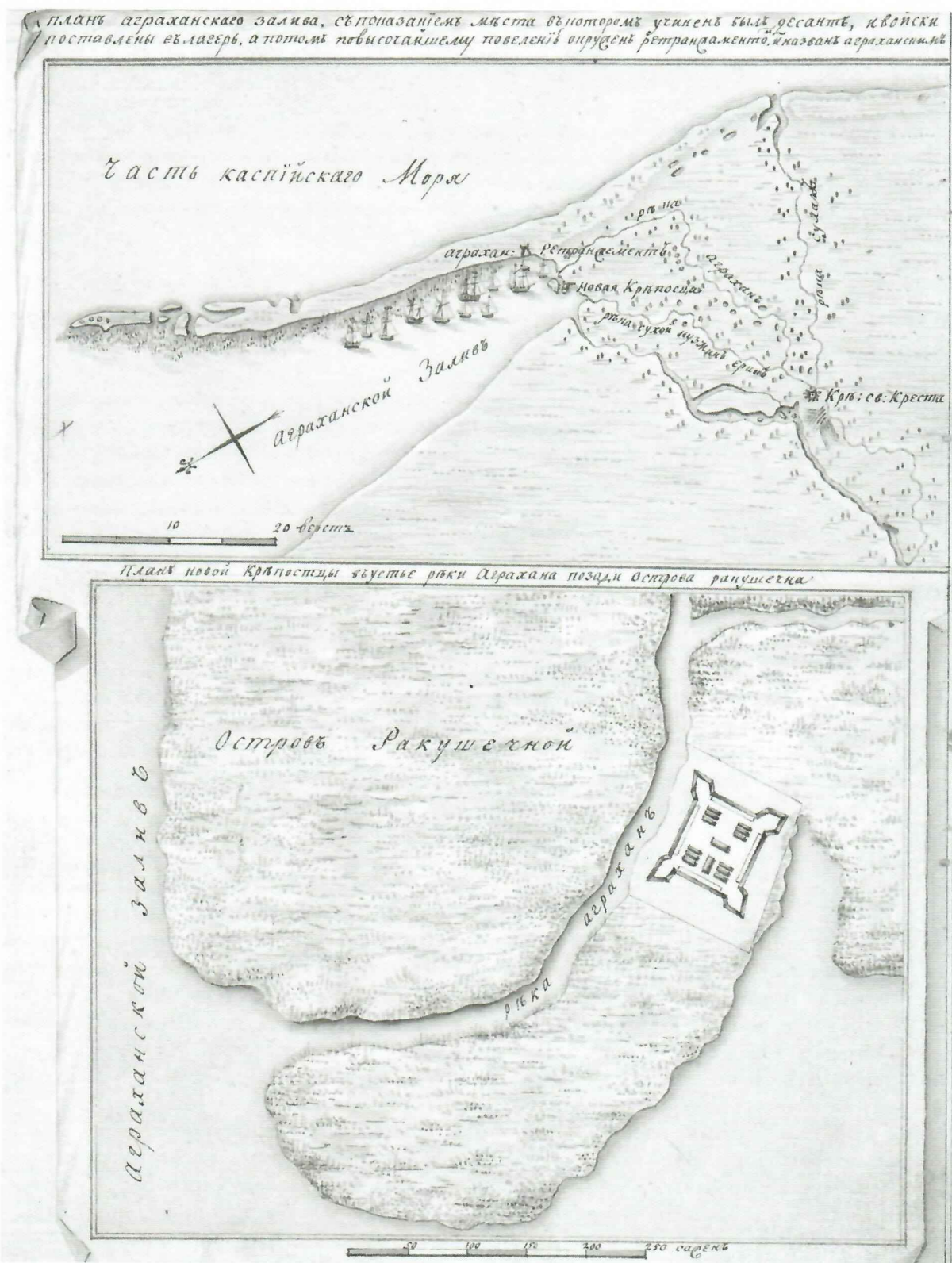
подстилали траву или камыш или иное что сыщетца толстотою не тоне пяти дюймов, а *что толще, то лутче*.

В питье воды иметь надзирание, дабы не гораздо много пить, не в самую полную сыть. А наипаче в марше сие всё чинить. Афицерам самим *для образу салдатом* и салдат держать в сем правиле. А кто сие преступит, тот лишен будет чина своего или и вяще наказан будет яко преступник указа».

РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 190–190 об. Выделенные курсивом слова вписаны в приказ Петром I.

15 июля в походной типографии был опубликован на «татарском, турецком и персидском языках» сочинённый бывшим молдавским господарем Дмитрием Кантемиром манифест. Он был обращён ко всем персидским подданным — как к «командирам», так и к «почтеннейшим имамам, и музилам, и протчим церковным служителям, и в деревнях начальствующим и купецким людям, и ершам-башам и лавошникам, и мастеровым людям, и цемен-терам, и подмастерьям с их учениками, и всем». Российский император объявлял о цели похода: наказании «бунтовщиков» своего «великого друга и соседа», которые осмелились ограбить русских купцов:

«...принуждены мы, прося и моля у Господа Бога победу на оных бунтовщиков и злодеев непобедимым нашим войскам, сами двигатца и, надеясь на Господа Бога (аще соизволит), что святыми и умирительными нашими ружьями таких злодеев, которые обоим сторонам похищение и вреды чинить причины давали, крепко наказав и отыскать сатисфакцию, к чему они достойны. Того ради пресветлейшего и высочайшего наилюбезнейшего нашего друга шахова величества, которые под его шаховою протекциею обретаютца, командующим начальникам и подданным каждой по своей вере и закону персианам, и ажемам, и армянам, и грузинцам или из других государств приезжих тех странам ныне пребывающим, всем чрез сие наше императорское милостивое обнадеживание истинно и твёрдо и праведно повелеваем, что вышеписанных провинциях жителям обретающим приезжим

План Аграханскаго залива и его укреплений
(РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 1539. Л. 2)

никому ниже единой убыток и трата учинитца, и самим им, и имением их, и сёлам, и деревням никто руку не положит, о чём для сего случая военачальникам нашим и всего войска как от ковалерии так и от инфантерии офицерам и другим командирам и всему войску генерально крепко приказано, и повелели, дабы никому ниже какого озлобления и похищения не чинили. И ежели в малом в чём кто обличён будет, и такие казнь и экзекуцию получать под таким кандициям, чтобы дабы и вы в своих жилищах и в провинциях по дружески пребывали, не опасались под грабежем вещей своих и имения из домов своих не вынашивая, не разбрашивали, и ежели иначе о противном поступке вашем услышим и уведомимся, а именно тем безсовестным, и хищникам, и многообидящим присовокупляясь или явно и тайно помогать деньгами или провиантом воспоможение учините, или сего нашего императорского милостивого обнадеживания почитать не будете и из домов своих, и из деревень выезжая, побежите, то принуждены мы вас всех, в неприятельском счислении счисляя, немилостиво мечем и огнём на вас наступать, и сами вы побиты, а вещи и товары ваши ограблены и взяты будут, и в той вине или гнев вы сами останетесь, а на втором пришествии пред Господом Богом пролитых кровь на вас взыщется...»

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 244–245.

18 июля 1722 года генерал-адмирал Апраксин поднял вымпел на флагманском гукоре «Принцесса Анна» и дал сигнал к выступлению. Флотилия (47 парусных кораблей, 241 островская лодка и 55 шлюпок) вышла в море. Император в последний раз вёл в поход свою армию. Наверное, в те дни он был счастлив, наблюдая запомнившуюся очевидцам картину ночного рейда у острова Четырёх Бугров, куда из Астрахани пришли военные и десантные корабли, «и вышел в море, стали на якорь, и в ночи было огненное видение от фонарей и стрельба из пушек»⁴⁹.

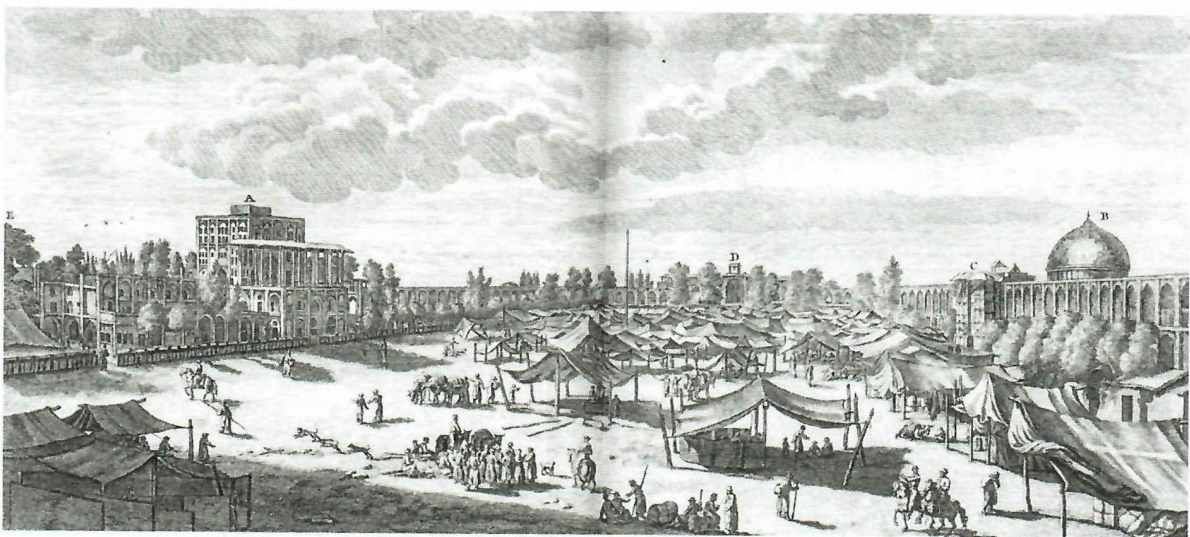
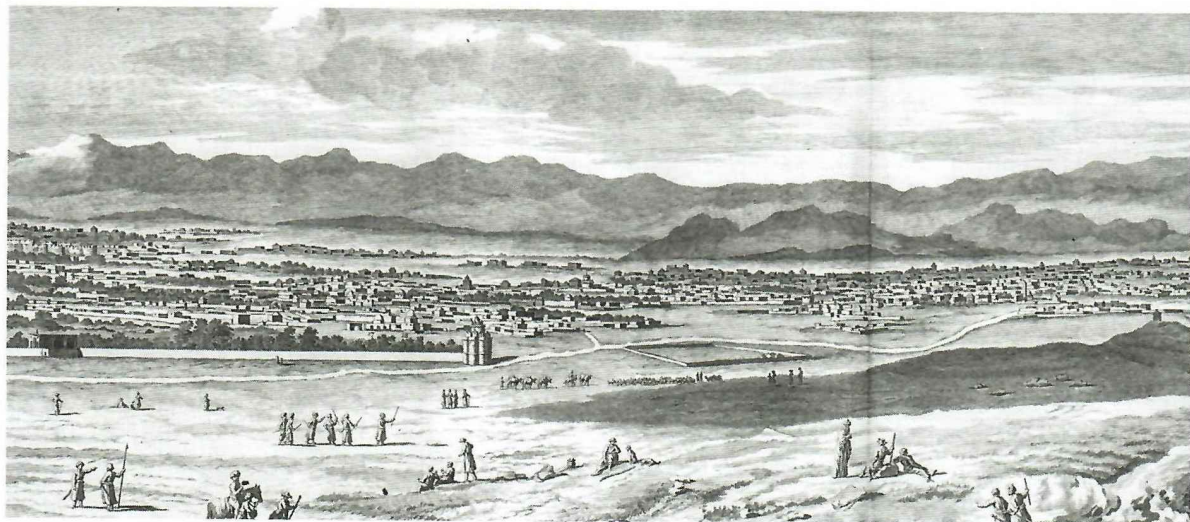
Пётр с супругой и губернатором Волынским шёл на боте лейтенанта Золотарёва; на других кораблях находились его спутники:

неразлучный с государем кабинет-секретарь Алексей Макаров, формальный главнокомандующий походом Фёдор Апраксин; действительный тайный советник, выдающийся дипломат и по совместительству глава политического сыска Пётр Толстой. Царя сопровождали знаток восточных языков Дмитрий Кантемир и майор Преображенского полка Михаил Матюшкин — будущий командир Низового корпуса и завоеванных провинций.

27 июля первые корабли вошли в Аграханский залив (ныне уже отрезанное от моря мелководное озеро Южный Аграхан). Нетерпеливый царь рвался на сушу. Гвардейцы на руках вынесли своего полковника по мелководью на песчаный берег, где он выбрал место для лагеря. После богослужения началась высадка. Корабли могли подойти к берегу не ближе 150 метров, и люди по пояс в воде переносили снаряжение и продовольствие. Чтобы обезопасить войска от возможного нападения, Пётр приказал построить укрепление — Аграханский

Генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин. Портрет работы И.Г. Таннауэра. 1710 г. (ГМЗ «Гатчина»)

*Виды Исфагана. Гравюры по рис. К. де Брёйна (Бруина). 1704 г.
Из кн.: Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Index orientales. Т. 1. 1718.*

ретраншемент. В тот же день на корабле генерал-адмирала Ф.М. Апраксина праздновали годовщины побед при Гангуте и Гренгаме. Государь был весел и вместе со свитой окупался в море со спущенных с корабля досок.

Однако начало операции оказалось не таким уж безоблачным. Войска несли потери задолго до столкновения с неприятелем — уже в Астрахани от болезней скончалось 150 солдат. Намеченный график похода не соблюдался из-за задержки пересекавшей северокавказские степи конницы. Драгуны должны были прийти к Аграханскому заливу раньше пехоты и устроить пристань. Однако 30 июля Кропоткин рапортовал, что встал лагерем у «Кизлярского озера» и быстрее двигаться не может: «Лошеди драгунские весьма худы от великих степных переходов и от худых кормов, а паче от жаров, от солёной воды»⁵⁰.

Лошади «повалились» и у украинских казаков, и в корпусе Ветерани. Бригадир должен был занять «Андреевскую деревню» (Эндирей, Эндери, или Андрейаул. — И.К.) — самое старое и крупное кумыкское селение между Тереком и Сулаком. Однако на двигавшиеся западным порядком полки на подходе к Эндирею напали тамошние владетели Айдемир и Чопан (Чапалав). После жестокого боя к вечеру 23 июля драгуны прорвались к селению и уничтожили его, но потеряли подполковника, четырёх обер-офицеров, ротмистра чугуевских калмыков и 84 драгуна убитыми; 115 человек были тяжело ранены и 82 — легко⁵¹. Пётр выместил досаду на неудачное начало операции на Волынском.

Позднее Артемий Петрович составил документ, озаглавленный им «Оправдание о пер-

сидском деле», где доказывал, что «принесено на меня, будто я причиною был начинанию персидской войны», напрасно, поскольку невозможно было противиться страстному желанию Петра I в Азии «езде славу свою показать». Бывший астраханский губернатор рассказал о том, как во время купания в море при высадке у берегов Дагестана не захотел лезть в воду, «поупрямился в том, понеже тогда был припьян, и тем своим упрямством его <величество> прогневал». По словам Волынского, Апраксин и Толстой направили гнев Петра, узнавшего о потерях Ветерани, на него — якобы он неверно информировал о трудностях и возможном сопротивлении. Разошедшийся государь, писал Артемий Петрович, «изволил наказать меня, как милостивой отец сына своею ручкою», а потом уехал с адмиральского корабля на свой, вызвал к себе губернатора «и тут гневался, бил тростью, полагая вину ту, что тот город (Эндери. — И.К.) явился многолюднее, нежели я доносил». От дальнейших поучений «милостивого отца» Волынского избавила царица Екатерина⁵²...

Однако ускорить события царская дубинка не могла. В аграханском лагере войска простояла неделю, ожидая Ветерани — тот со своими драгунами подошёл только 2 августа, но людям и лошадям нужно было дать отдых. 3 августа из аграханского лагеря к Вахтангу было отправлено новое письмо, которым император извещал союзника о своём прибытии и планах: «...идём к Таркам, а оттуды пойдём к Дербеню и к Баке». Пётр надеялся, что Вахтанг совершит удачный «поиск» против Хаджи Дауда, и рассчитывал на скорое «случение» с грузинским войском «между Дербени и Баки»⁵³.

МАРШ НА ДЕРБЕНТ

5 августа, оставив в ретраншементе полторы тысячи больных под охраной трёхсот солдат и 1500 казаков, армия двинулась на юг вдоль побережья моря. Сам государь император изволил ехать верхом перед гвардией. На подходе к реке Сулак к армии присоединились украинские казаки во главе с миргородским полковником Даниилом Апостолом. Неглубокий Сулак оказался трудным для переправы из-за илистого дна. Опять пришлось задержаться — готовить плоты и паромы. В лагерь прибыл крупнейший владетель Северного Дагестана* — тарковский шамхал Адиль-Гирей. На следующий день он был принят Петром и передал войскам 616 быков с повозками-арбами, а царю подарил трёх персидских лошадей. Следом явились костековский и аксаевский владетели.

Несколько дней войска и «тягости» переправлялись через Сулак. «Сия переправа зело трудна была, ибо только люди, артиллерия, амуниция провиант и рухлядь [были на плотях], а лошади, волы и верблюды, телеги и коляски вплавь все; а и люди до пояса раздеты были ради разлития реки... чего для до паромов доходить посуху было невозможно, также на камышовых плотях для мокроты оных едва

* До конца XVIII века Дагестан оставался раздробленным на мелкие государственные образования: на севере располагались Тарковское шамхальство, Эндиреевское, Аксаевское, Костековское, Буйнакское, Эрпелинское, Карабудахкентское владения, Мехтулинское ханство, а также Утемишское султанство. Помимо них имелись Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Дербентское, Аварское, Казикумухское ханства и более шести десятков союзов сельских обществ. Дагестанские владетели не раз отправляли посольства к русским царям, а те выдавали им жалованные грамоты как своим подданным. Одновременно эти же правители получали подарки от шахов и выставляли по их требованиям конные отряды, таким образом, находились в «опчем холопстве», то есть одновременно признавали себя вассалами Москвы и Исфахана.

не по пояс люди стояли», — записал в походном журнале сам Пётр I.

11 августа начался марш по безводной местности (именно в этих краях спустя почти 150 лет снимался знаменитый советский «истерн» «Белое солнце пустыни»). Люди шамхала вырыли на пути следования армии десяток колодцев, однако, как отметил император, воды в них оказывалось «зело мало и вода мутная, и тако армея почитай сутки была вся [без воды], понеже мало её получали». Капитан Питер Брюс рассказывал, как мучила его жара, как гибли от отсутствия фуража и непривычного подножного корма лошади. Попытки найти пастбище заканчивались потерей скота, который угоняло местное население; Брюс таким образом лишился трёх коней. Государь не давал офицерам расслабляться: заметив, что не все они возглавляют свои команды, а оружие везут в повозках, он приказал виновным маршировать пешком по жаре с четырьмя ружьями на плечах⁵⁴.

13 августа Пётр посетил резиденцию шамхала в Тарках, где получил от хозяина в подарок «серого аргамака» с окованным золотом седлом и отдался золотыми часами. Своё гостеприимство Адиль-Гирей оценил дорого — через два дня он письменно попросил передать ему «в надзирание» Дербент и Баку, «повсегодное» жалованье и семь деревень в «Мескурской земле» и Ширване, якобы пожалованных ему шахом⁵⁵.

Подошедшие войска поставили памятник походу — пирамиду из камней: «носили всяк по одному камню, сколко солдат и людей в обозе ни было». Пока подтягивались все полки (драгуны Кропотова прибыли только 15 августа «пред полуднем»), прибывшие в Тарки депутаты из Дербента заявили Петру, что получили его манифест «со удовольствием и покорным благодарением» и готовы принять русские

войска. Император послал в Дербент подполковника Г. Наумова с командой из 271 солдата «для осмотра пути, дабы в переправах продолжения в марше не было».

Встречи и подарки вовсе не означали подчинения местных феодалов российской власти. Указ «утемишского владения жителям» за подписью главнокомандующего генерал-адмирала Ф.М. Апраксина был написан лично императором: «Понеже все горские владельцы сами прибежали и протекции у моего государя просили и что потребно на войско его величества давали, а ваши салтаны по се время ничем не отозвались, того ради сим вам объявляетца, чтоб вы прислали старшин 5 или 6 человек для принятия указов, и когда сие учините, то вам никакого разорения не будет. Буде же преслушаете, то с вами яко с неприятели поступлено будет»⁵⁶. Однако вместо «старшин» к вышедшим к реке Инчхе-озень русским частям явился обезображенный проводник-кумык, ранее вместе с есаулом Иваном Маневским и тремя казаками отправленный к утемишскому султану Махмуду. Он, по словам Питера Брюса, рассказал, что казаки «в его присутствии были преданы смерти жестоким и варварским образом; султан повелел ему передать государю, что с каждым из его людей, которые попадут в руки султана, будет сделано то же самое. Что касается же конференции (то есть встречи. — И.К.), то они готовы её иметь с саблями в руках».

В тот же день русская армия была атакована войсками султана: «19-го показались татары со стороны гор, около 12 тысяч человек, и хотели исполнить свои угрозы; поскольку мы были начеку со времени возвращения проводника, армия немедленно стала под ружьё, не разбирая палатки, и его величество лично пошёл на врага со своей дивизией, которая состояла из шести батальонов, приказывая, чтобы только часть армии следовала за ним. После нашего приближения к подножию холма мы прилежно стреляли друг в друга без большого ущербса с обеих сторон, и поскольку они занимали высокую позицию, мы не могли использовать наши орудия. Император, поняв, что они держат дистанцию, не продвигаясь к нам, приказал, чтобы драгуны и казаки прошли вокруг и напали на них из-за холма, что они и сделали незамедлительно. Когда они поднялись на холм,

мы видели их, но они не были обнаружены врагом, пока не оказались у них за спиной; последовала большая резня, и татары побежали как можно быстрее, оставив на месте между шестисот и семисот мёртвых тел; сорок было взято в плен. Среди них было несколько знатных персон и их магометанский священник, который был из главных предводителей и не только советовал, но и собственными руками совершил ужасное и жестокое убийство трёх казаков, разрезав их грудь, в то время как они были ещё живы, и вырвав сердца, — их высохшие тела нашли посаженными на колья около дворца султана наши драгуны, которые преследовали врага до самых ворот и ворвались в них, предавая каждого встречного мечу»⁵⁷.

Об этом столкновении Пётр писал в Сенат: «...проводили его кавалериею и третью частью пехоты до его жилища, отдавая контр визит, и, побыв там, для увеселения их сделали изо всего его владения феэрверк для утехи им (а имянно сожжено в одном его местечке, где он жил, с пятьсот дворов, кроме других деревень, которых по сторонам сожгли б)». На этот раз государь был доволен — неприятель потерял 600 человек убитыми и 30 пленными; российские же потери составили пять драгунов и семь казаков⁵⁸.

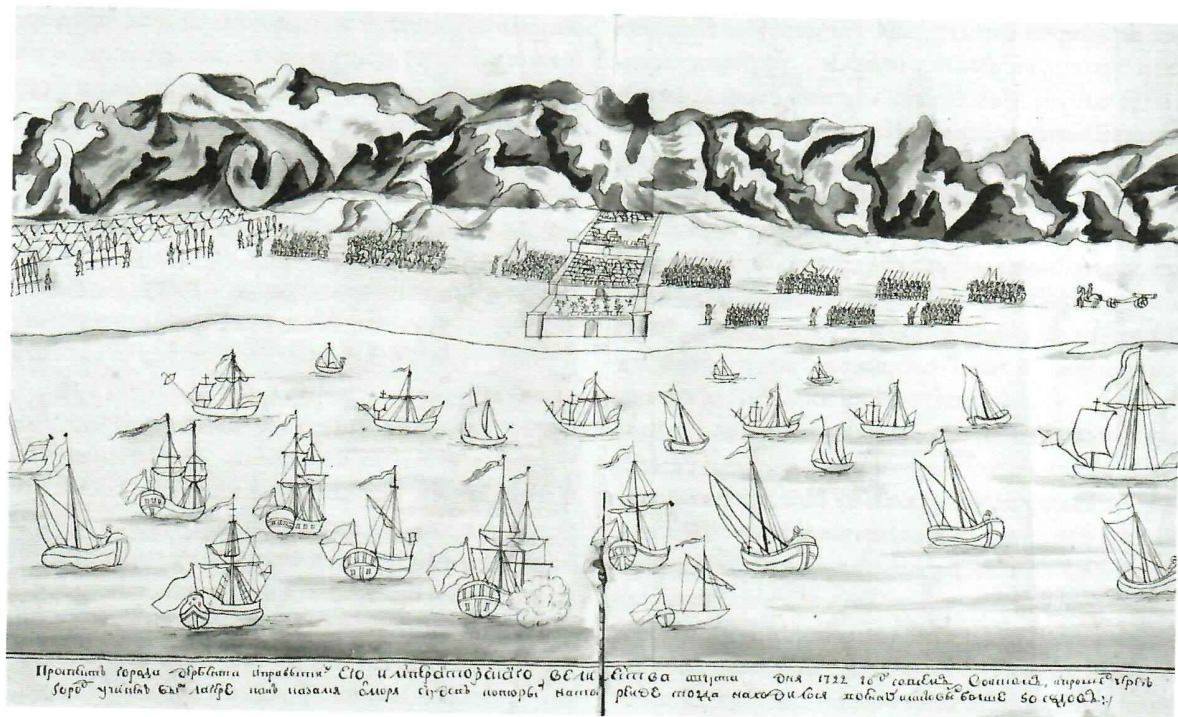
Обеим сторонам пришлось познакомиться с иным противником и его представлениями о ведении войны. «Зело удивительно сии варвары бились: в обществе нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились, так что, покинув ружьё якобы отдаваясь в полон, кинжалами резались, и один во фронт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки», — отмечал в «походном журнале» Пётр. Когда же Ф.М. Апраксин спросил у захваченного в плен муллы, «как могли они отважиться атаковать столь многочисленную и регулярную армию, которая намного превосходила все силы, которые они могли выставить, и всю помощь, которую они могли бы ожидать от своих соседей; на это священник ответил, что они не боятся нашей пехоты, которая не способна догнать их в горах; так же и казаков, которых они обычно побеждали в былых случаях, но в замешательство их привели “синие мундиры” (драгуны) своим умением держать строй».

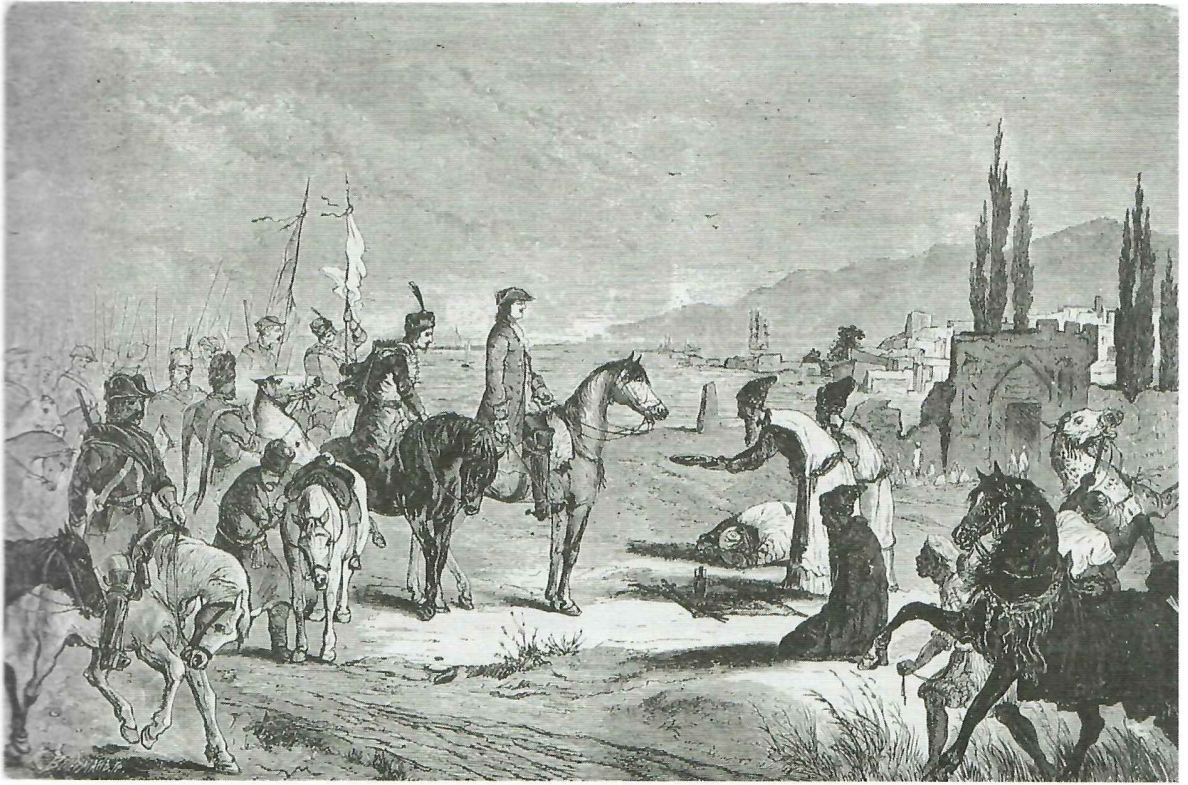
На расспросы об убийстве посланных к султану казаков тот же мулла, по словам Брюса, «смело ответил, что поступил бы точно так же с каждым из наших людей, оказавшихся в его власти, чтобы отомстить за наше обращение с татарами в Андрееве (то есть при взятии Эндери. — И.К.), вождя которых мы предали постыдной казни и чьими друзьями и союзниками они являются. Кроме того, они — свободные люди и не будут покоряться никакому владыке на земле». Другой пленник, приведённый к палатке адмирала для допроса, не ответил ни на один из заданных ему вопросов. «Тогда, — вспоминает Брюс, — был отдан приказ раздеть и высечь его, но как только он получил первый удар плетью, то вырвал шпагу у офицера и побежал к адмиралу, которого он конечно бы убил, но двое часовых у палатки вонзили в него свои штыки. Даже падая, он пытался отнять ружьё у одного из часовых, и тот в борьбе потерял из руки кусок мяса, откушенный отча-

янным парнем, который после этого был убит. В это время подошёл его величество, и адмирал сказал ему, что он, конечно, пришёл в эту страну, чтоб его сожрали бешеные собаки; за всю жизнь он ни разу так не испугался. Император ответил, улыбаясь, что если бы народ этой страны имел понятие о военном искусстве, ни одна нация не могла бы справиться с ним»⁵⁹.

21 августа в отместку за гибель казаков мулла был четвертован, остальные 19 пленных повешены; освободили лишь одного, которому отрезали уши и нос и послали к утемишскому султану с укорительным «плакатом» русского командования, гласившим, что Пётр I по прибытии с войсками указал, «дабы им по прежним универсалным ево императорского величества указом ни от кого никаких обид и разорений чинено не было», но в ответ на призыв явиться старшины «с великим и несказанным тиранством и противно закону алкорана их, которой повелевает присланным не чинить никакова ругательства и зла, поймав их, присланных, с великим мучением побили до смерти, учинили наругательство над телами их и взрезывали у них груди и без всякой притчины подняли оружие противу войск ево императорского величества, однако оные побеждены и несколько из них поимано». Горцев по-

«Проспект города Дербента» и лагерь русской армии. Из рукописи Ф.И. Соймонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 21 об.-22)

ставили в известность, что царь привык проявлять к пленным милость, но «сих токмо, которые ныне поиманы, за их тиранство, которое оне показали над посланными ево величеством (слова, выделенные курсивом, вписаны карандашом самим Петром I. — И.К.), для отмщения невинной крови оных указал ево императорское величество яко злодеев казнить смертью, на что б смотря, другим таковым же впредь тако поступать повадно не было»⁶⁰.

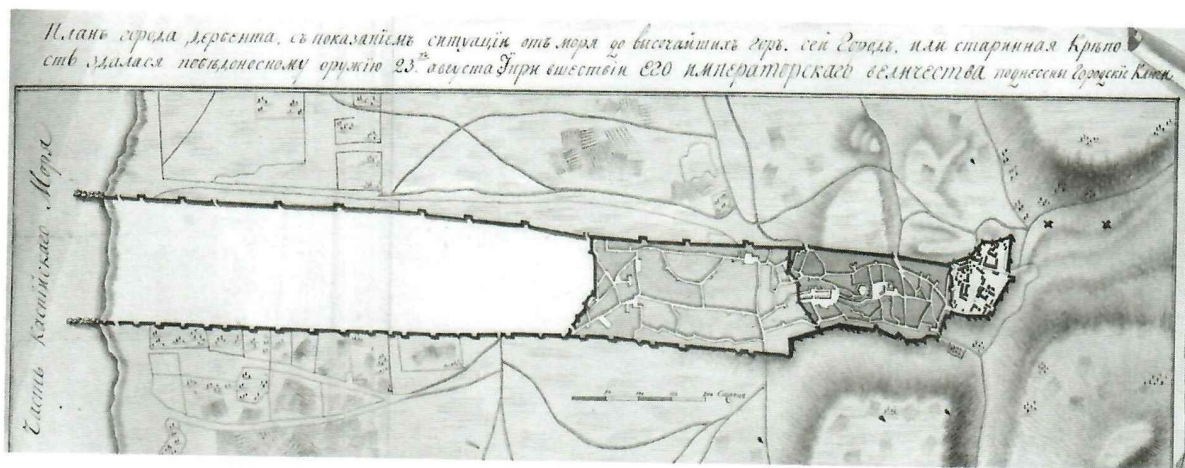
Возможно, в других случаях инциденты удавалось вовремя улаживать; как гласила не сохранившаяся до нашего времени надпись на стене мечети в Карабудахкенте, местная община после одного из нападений на конный разъезд встретила отряд петровских драгун хлебом и солью и восстановила мир⁶¹.

Кайтагский уцмий Ахмед-хан не препятствовал проходу армии, однако и прибыть с выражением покорности не спешил. Но страдавшие от набегов лезгин жители Дербента и его окрестностей охотно впустили в город прибывшего 15 августа подполковника Наумова, и в это же время в море показалась русская эскадра капитана Карла фон Вердена. Дербентский наиб (правитель города) Имам Кули-бек

Сдача г. Дербента. Наиб города подносит городские ключи Петру I 23 августа 1723 года. Рисунок XIX в.

договорился о сдаче города, к воротам которого был поставлен караул из русских солдат.

23 августа армия подошла к древнему Дербенту, крепость которого с незапамятных времён контролировала единственную сухопутную дорогу в узком проходе между морем и горами. Наиб поднёс императору серебряный ключ от городских ворот, который тот положил в карман. Под грохот пушечного салюта и звуки «бусурманской музыки» русские войска продефилировали через город и расположились за его стенами в садах. В Дербенте Пётр I провёл три дня: осмотрел оборонительные стены и цитадель, наметил место для строительства гавани, посетил дом наиба и устроил пир у себя в шатре. Император был доволен приёмом и писал сенаторам: «...сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады (то есть рады. — И.К.), как бы своих из осады выручили. Из Баки такие же письма имеем, как из сего города (Дербента. — И.К.) прежде

План города Дербента (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 1539. Л. 6а)

приходу имели, того ради и гварнизон туда отправим, и тако в сих краях с помощью Божию фут получили, чем вас поздравляем. Марш сей хотя недалёк, только зело труден от бескормицы лошадам и великих жаров»⁶².

Упомянутое письмо из Баку пришло 22 августа; его жители приветствовали намерение царя «наказать разбойников», которые угрожали их городу, и одновременно изъясняли «повиновение и покорность такому справедливому императору» и намерение поддерживать с ним «дружеские отношения»; однако согласия на приём «гварнизона» в письме не было⁶³. Тем не менее в Баку был командирован унтер-лейтенант флота Осип Лунин с той же миссией, какую Наумов исполнял в Дербенте. Он повёз составленную П.А. Толстым грамоту, которой российский император объявлял, что будет «с нашею армеею маршировать к вашему городу Баке», и обещал бакинцам «покой и безопасность» от бунтовщиков⁶⁴.

В Дербенте к Петру I явились посланцы табасаранского кади Рустема и кайтагского уцмия Ахмед-хана. Кади обращался с просьбой защитит его владения от Хаджи Дауда и Сурхай-хана, получил обещание, что русские войска будут их «в потребном случае от нападения на него неприятелей охранять». Шамхалу Адиль-Гирею Пётр пожаловал владения утемишского султана, но отказался удовлетворить его претензии на владение Баку, Дербентом и деревнями, а также выдать «взятых

у вас невольников-христиан». Жителям Дербента была дарована свобода торговли в России⁶⁵. Уцмий, уверявший царя, что «вернее его в здешних краях нет», и просивший «меня, раба своего, принять и яко верного содержать», получил задание приготовить для армии быков и повозки. Владелец Эндери Айдемир принёс повинную; его посадили под арест и повелели дать заложников-«аманатов», а также поставить «под драгуны» 500 лошадей. 26 августа состоялся торжественный молебен «за получение фута в сей земле»; на следующий день хозяйственный император уже потребовал «ропись дербентским деревням», по получении которой подсчитал, что с города и округи собирается доходов 10 180 рублей⁶⁶.

28 августа государь приказал Апраксину выяснять, «как удобнее с так великою армеею дойти в оба места, то есть в Шемаху и в Баку». Пётр планировал продвигаться и далее, возможно, до устья Куры, «если случай попустит»; об этих планах А.В. Макаров сообщал в Москву ещё 10 июля⁶⁷. Вышедшие 30 августа из Дербента войска стали лагерем на берегу реки Рубас (в документах её именовали «Миликенти» — по названию расположенного на ней селения Моллакент. — И.К.). Солдаты и офицеры быстро выстроили земляное укрепление — царь собирался в будущем оборудовать здесь удобную гавань. Ночной вой шакалов никого не пугал; войска готовились к продолжению похода, «во всей армии» ходил слух о марше в Грузию до Тифлиса.

Но вскоре успехи сменились неприятностями. Военные в очередной раз не сумели распознать «ядовитую траву»: начался мас-

сильный падёж лошадей. Спешно построенные корабли оказались «ненадёжными». 4 августа Ф.М. Апраксин приказал капитану Вердену не пускать к Дербенту негодные суда, а отправлять провиант лишь на исправных. Но настоящие испытания только начинались. 25 августа корабли эскадры Вердена, стоявшие близ лагеря у Рубаса, разбило штормом; согласно донесению Апраксина, были потеряны десять палубных судов и две тяпки. Судя по рапорту от 29 августа, потери не были катастрофическими: удалось спасти, хотя и подмокшими, 5289 из 6384 кулей муки, находившихся на выброшенных на мель судах⁶⁸, но сами посудины пришлось пустить на дрова.

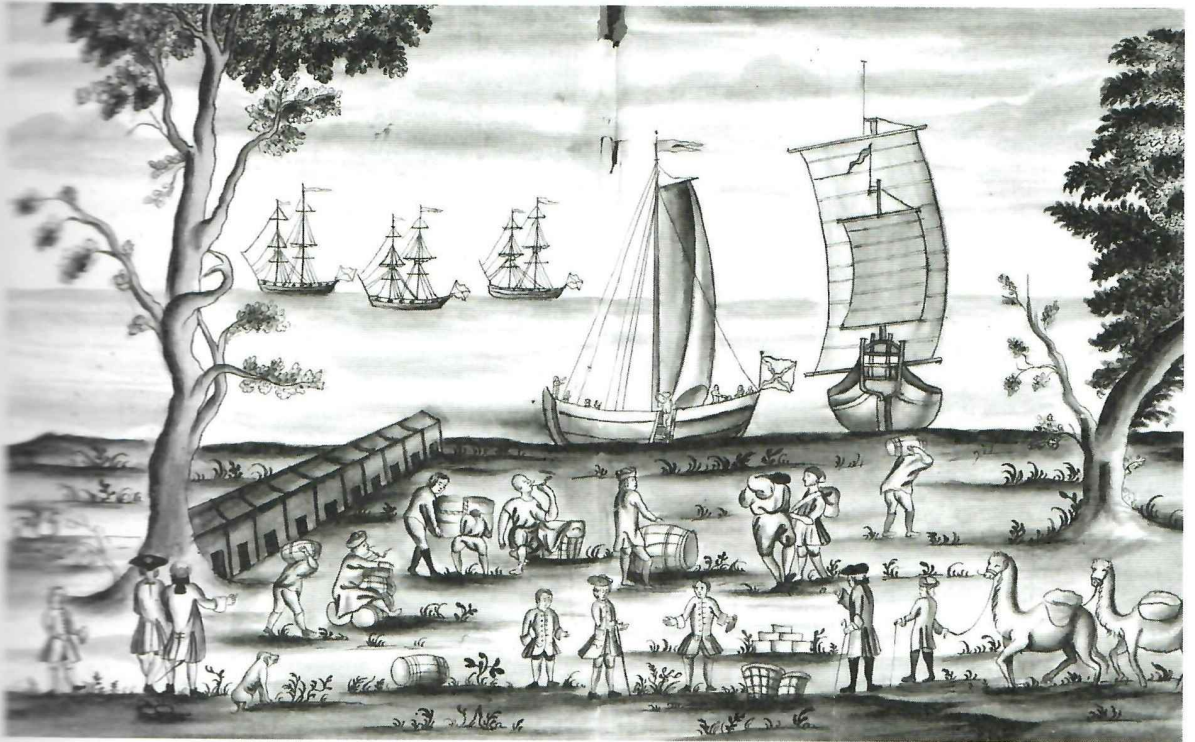
Сохранившийся автограф поданного генерал-адмиралу Апраксину мнения Петра I от 29 августа показывает, что царь уже примирился с мыслью о необходимости продолжения кампании в 1723 году. Но он ещё верил, что при наличии запасов провианта на восемь месяцев часть армии может маршировать к Низовой* и Баку, и рассчитывал, даже если до-

ставить провиант не удастся, овладеть Низовой, а в Баку гарнизон отправить морем⁶⁹. На военном совете бригадир И.Ф. Барятинский и Дмитрий Кантемир выступили за марш к Баку по суше, но только после прибытия эскадры капитана 1-го ранга Ф. Вильбоа с провиантом. Остальные единодушно советовали государю остановить поход и в лучшем случае перевезти гарнизон в Баку на кораблях⁷⁰.

Некоторые исследователи со ссылкой на турецких авторов указывают на прибытие в Дербент посланца турецкого султана, потребовавшего прекратить поход под угрозой войны⁷¹. О появлении в лагере какого-то турецкого представителя указывал в мемуарах Питер Генри Брюс: «Наша армия была готова на следующий день двинуться, когда, к нашему удивлению, прибыл из Шемахи турецкий посланник (в оригинале — *ambassador*. — И.К.), сообщив императору, что они овладели городом и что это было сделано по приказу его повели-

Низовая пристань. Из рукописи Ф.И. Соймонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 22 об.-23)

* Низовая (Низабад, ныне селение Ниязоба в Азербайджане) — пристань на западном побережья Каспийского моря, откуда шла караванная дорога на Шемаху.

теля (в оригинале — *grand signor his master*. — И.К.); что он прибыл выказать его величеству обиды Порты его продвижением в эти земли, более того, настоятельно просить его отвести войска, и если император откажется — объявить войну против России. Взвесив эти обстоятельства должным образом, его величество не счёл правильным продолжать поход, поскольку не желал в данных обстоятельствах разрыва с турками, особенно когда он находился с цветом своей армии так далеко от своей страны; поэтому он принял решение повернуть назад; так это место стало крайним пределом, на это время, нашей персидской экспедиции, и провинции, которые горячо ждали нашей помощи, впоследствии были принуждены перейти под покровительство турок»⁷².

Имеющиеся в нашем распоряжении бумаги Кабинета Петра I и Коллегии иностранных дел, а также походные журналы императора не содержат информации о прибытии кого-либо из турецких официальных лиц и подобном ультиматуме; не поднималась эта тема и в мнениях генералитета на состоявшемся в лагере «консилиуме». Турецкие власти в Стамбуле только в конце сентября или в октябре получили точные сведения о походе, а отправленный в Россию посланник Нишли Мехмед-ага прибыл в Москву к началу 1723 года, о чём речь пойдёт ниже. Армейский офицер Брюс не имел отношения к дипломатическим делам и, скорее всего, передавал распространившиеся в войсках слухи. Однако едва ли его сообщение является выдумкой. Возможно, Брюс называл «послан-

ником» кого-то из прибывавших с письмами жителей Шемахи? В одном из них шемахинцы сообщали о получении царского манифеста и ходатайствовали об отправке к ним русского «везиря», но в то же время указывали, что город «уступлен» султану и «во оном турецкие знаки»; в другом послании (от имени Мухаммед Рахима и ещё тринадцати человек) просили выслушать его подателя, уполномоченного передать суть «на словах», и выдать им «охранный лист»⁷³.

Лукавый уцмий 31 августа известил, что приготовил было 600 арб и тысячу быков; но не может их отдать, поскольку русские «пожгли» 12 его деревень⁷⁴. Все ждали подхода эскадры Вильбоа. Однако едва она в составе семнадцати кораблей вышла из устья Волги в море, как «повредились все суда». Капитан-командор Мартин Гослер доносил, что «носы и кормы текли», а один корабль утонул; пришлось заново конопатить корпуса. 1 сентября Апраксин отправил Вильбоа приказ оставаться у острова Чеченя или Четырëхбугорного (последний ныне стал частью материка в дельте Волги), поскольку «мы с 5 числа сего месяца, ежели вы не будете, пойдём назад к тренжаменту, учинённому в Аграханском заливе». 4 сентября от капитана пришло известие, что его корабли, добравшиеся до Чеченя, «потекли». А 7 сентября транспорты были разбиты штормом и выброшены на мель⁷⁵. И здесь часть провианта удалось спасти, но армия лишилась поддержки с моря. Надежды на продолжение похода больше не было.

ПОБЕДНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

5 сентября Пётр торжественно отметил именины дочери Елизаветы, после чего, «здрав при реке Рубас транжамент, возвратился с войском к Дербенту, а в транжаменте оставлено казаков 300 человек». К тому времени стало ясно, что не оправдались и расчёты на занятие Баку. Прибывший в тот же день на шняве «Святая Екатерина» О. Лунин доложил, что в город его не пустили. Во вручённом офицеру письме бакинцы дипломатично благодарили царя за милость, но от российской помощи отказались («не желаем, чтоб войски ваши такую трудность восприяли») и уведомили, что уже два года успешно отбиваются от «изменников», а шах якобы послал к ним своего сына с армией⁷⁶. Послание было признано «посмеятельным»; стало ясно, что триумфального приёма, как в Дербенте, не будет и город придётся «добывать».

Пётр не мог идти навстречу Вахтангу VI, и желаемого «случения» союзников так и не произошло. Выгруженного на берег с разбитых кораблей и имевшегося в полках продовольствия хватило бы на месяц, а подвезти новые запасы было не на чем. Кавалерия продолжала терять лошадей, а непривычный климат вызывал болезни у солдат.

6 сентября в обратный путь двинулись обозы, а за ними — главные силы армии. Отбывая из Дербента, Пётр распорядился охранять «Хаджи Аслан-бека огород, в котором мы ныне стояли», и там «мастера» для разведения винограда⁷⁷. В укреплениях, построенных с юга и севера от Дербента, и в самом городе были оставлены гарнизоны; как свидетельствует черновой походный журнал, произведены аресты «недоброжелательных», склонявшихся к Дауд-беку.

Отход показал, как быстро может меняться ситуация на Кавказе: горские предводители только что демонстрировали «приятность»,

а 20 сентября комендант Дербента Андрей Юнгер сообщил, что воины уцмия, казикумухского Сурхай-хана и утемишского султана захватили редут на реке Орта-Буган, притоке Уллучая к северу от Дербента, «и люди караулные от неприятеля побиты». По сведениям дербентского наиба, трёхдневный штурм обошёлся нападавшим в 400 погибших, но из гарнизона в 128 солдат и шесть казаков спаслись в камышах лишь трое, да и они так и не добрались до города. Нападение последовало и на «транжамент» на Рубасе; в укреплении взорвалась пушка, затем обвалилась стена, и гарнизон пришлось вывести в Дербент⁷⁸.

8 сентября после ночёвки на реке Дарбах (Дарвагчай) Пётр повелел коменданту Дербента быть готовым к осаде; а «ежели неприятел придёт, а жители его впускают так силно, что гварнизону их выбит будет не возможно», то он должен сигнализировать прибывшим судам — «надлежит ему флаг вес красной поставит и 3 выстрелит». 10 сентября император лично написал приказ по армии: надлежало «пустить» казаков со стороны моря, а «левой бок обнять пехотою и пешими драгуны»; казаки же отрядами по 100 человек должны охранять обозы и выдвигаться вперёд разъездами; лишние и поломанные телеги следовало бросать, но обязательно увезти больных. Никто не должен был отставать, чтобы все «были при своих местах... и по сторонам не отлучались под смертью и протчими жестокими наказаниями»⁷⁹.

Отступление победоносной армии оказалось нелёгким. Донимали внезапные перепады температуры от дневного пекла к ночному холоду, на холмы по ночам выпадал снег, а тёплую одежду люди оставили в Астрахани. Не давал покоя и вездесущий неприятель. Дороги стали настолько опасны, что командир аграханского укрепления полковник Маслов

получил 28 августа приказ не посылать никого к армии, поскольку «проехать землёю от горских народов невозможно»; в его «транжаменте» скопились курьеры с бумагами из Сената, Коллегии иностранных дел и других учреждений⁸⁰. О тех же проблемах писал в дневнике служащий Генеральной канцелярии гетманской Украины Николай Ханенко: сам шамхал 24 августа 1722 года объявил, «что сухим путём к Дербене проехать невозможно для татар противных товлинцев и слимчевцов, все дороги заступивших». Ханенко, посланному с известием о смерти гетмана Скоропадского, удалось добраться до ставки Петра под Дербентом только на курьерском судне⁸¹.

Гибли гонцы на дорогах, неосторожно отъехавшие от своих частей служивые попадали в плен; офицеров и солдат ожидали бессонные ночи под ружьём и короткие стычки; сотнями гибли лошади — под обоз и для безлошадных драгунов пришлось взять две тысячи заводных казачьих коней. Немногих схваченных нападавших «по военному времени» казнили на месте. По итогам похода в плену у горцев оказалось 12 солдат; кроме того, у «шевхалских людей» и узденей в 1723 году находилось ещё 144 русских, захваченных или проданных ранее⁸².

«Вестник из Дербента сообщил нам, что султан Махмуд, соединившись с персидским усмеем, собрал двадцать тысяч человек с намерением напасть на нас ночью, что заставило нас стоять под ружьём всю долгую, пронзительно холодную ночь. В этом положении мы оставались до полудня следующего дня; враг всё время появлялся у нас перед глазами, не вступая в бой. Как бы то ни было, мы двинулись опять и прошли слепополуденным маршем ещё 12 вёрст постоянно в виду неприятеля, который старался несколько раз во время марша напасть на нас, но постоянно убегая при нашем приближении, опять появлялся рядом, взял в плен двух наших казаков, а мы захватили трёх татар. В этот день ветер дул так сильно, что мы были почти ослеплены песком и пылью; они думали, что это им поможет, но были обескуражены нашей бдительностью. Мы провели под ружьём и эту ночь, которая оказалась очень влажной и холодной, но

поскольку нас атаковали то в одном, то в другом месте, то постоянные движения держали нас в тепле», — таким запомнил обратный путь капитан Брюс⁸³.

19 сентября армия вышла к Сулаку; пехота была по морю переправлена в Астрахань, а конница пошла сушей. Император заложил ретраншемент на левом берегу реки, где должна была зимовать часть армии. На этом месте предполагалось построить шестибастионную крепость Святого Креста.

Отсюда «для пойску и разорения» мятежников двинулась карательная экспедиция в составе четырёх тысяч калмыков Бату-тайши, внука хана Аюки, и тысячи казаков под командой донского атамана Ивана Краснощёкова, лично известного Петру и за действия в Финляндии награждённого серебряным ковшом. Из реляции о действиях казаков и калмыков следует, что с 26 по 30 сентября Краснощёков (турки называли лихого атамана «Топал Юван» — «Хромой Иван») громил владения непокорного утемишского султана Махмуда. В походном журнале Петра I за 1722 год была сделана запись: «В 26 день [сентября] в 7-м часу по полуночи помянутые казаки и калмыки от Сулаку пришли к Буйнакам и от тех мест вступили в неприятельские места, и были в неприятельских местечках и деревнях, кои прежде сего разоряли, а неприятели паки их строением снабдили, и оные все разорили без остатку и к тому ещё 4 приселка, которые в прежнем были не разорены, потому ж все разорили. Неприятельских людей побито с 500 человек и более, а заподлинно объявить не можно для того, что действо чинилось в скорости да в разных местах. В полон взяли с 350 человек. Скота рогатого взято около 7000 да с 4000 овец. И потом помянутые донские казаки и калмыки, сентября 30 числа, возвратились к Аграханскому заливу счастливо... всяких вещей и драгоценностей казакам досталось»⁸⁴. (Донесение М.А. Матюшкина царю от 1 октября подтверждает указанное выше количество угнанного скота, но «ясырю» насчитывает только «сто с полчетверта» человек⁸⁵.) В этом походе донцы успели ограбить оказавшихся на их пути купцов из Кафы (нынешняя Феодосия в Крыму), что вызвало осложнение русско-турецких отношений.

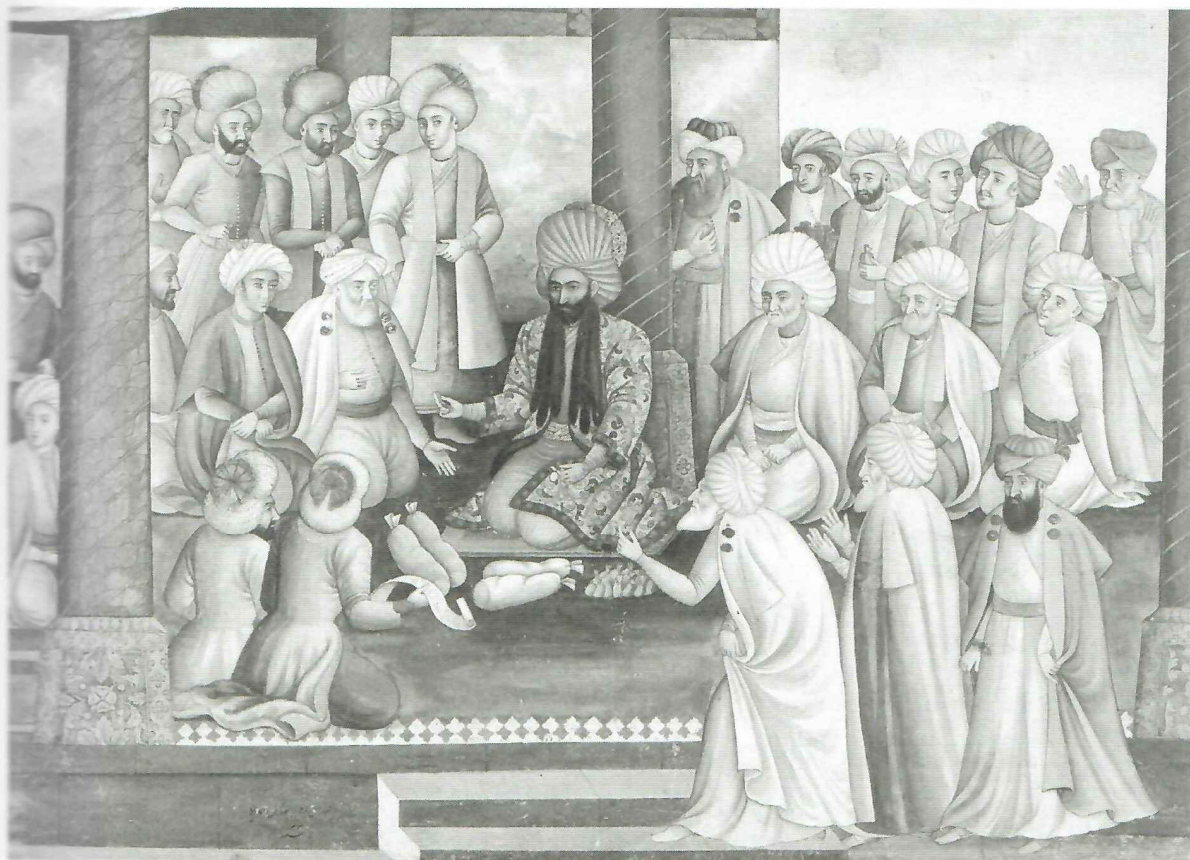
На борту своей яхты царь дал инструкции посланцу к грузинскому царю-союзнику — тот напрасно ждал императора у Гянджи. Гонимый месяц ехали обходным путём через Кавказский хребет и Кабарду, и известие о походе Вахтанга VI к Гяндже Пётр получил только 19 сентября, когда возвращался с армией к Сулаку. Он объяснял союзнику новую ситуацию: теперь не время из-за прежних обид «в дальнее неприяство [с шахом] вступить»; поэтому он сделал Султан Хусейну «некоторое предложение» и теперь рассчитывает на помощь Вахтанга — тот должен был убедить шаха отдать в обмен на русскую военную помощь Дербент и другие земли «по Каспийскому морю», а также владения самого грузинского царя («чтоб он, шах, вас нам уступил»). Император обещал вернуться на будущий год для продолжения «лёгкой и прибыльной войны»; на будущее грузинскому царю посулили «власть над всеми тамошними христианами», что должно было быть закреплено в российско-иранском договоре⁸⁶. 28 сентября император приказал устроить палубу «для празднества виктории над Ле-

венгауптом под Лесным», а на следующий день отбыл морем в Астрахань вместе с гвардией.

Пришло время подводить итоги. Русские войска заняли Аграханский полуостров и приморский Дагестан до Дербента. Однако военная операция показала, что установить господство на прикаспийских территориях будет не просто — даже при отсутствии равноценного противника для закалённой в боях армии.

16 октября Пётр сообщил Сенату о причинах окончания похода: «По принятии Дербента, намерились мы итти далее и отошли к реке Милюкенти в 15 верстах от города, где провиант выгружать и печь стали, понеже там лесу довольно для дров; тогда учинился великой штурм, которым тринадцать судов ластовых, которые деланы в Твери, в том же числе и две тьялки, разбило, которое несчастье принудило нас дожидатца капитана Вилбоа, кото-

Султан Хусейн с придворными. Персидская миниатюра. 1721 г. (Британский музей, Лондон)

рой шёл в семнадцать таких же судах; потом к великому недовольству получили ведомость, что и ему тож случилось; к тому ж так лошади мёрли, что в одну ночь умерло тысяча семьсот лошадей, також провианту не имели более как на месяц; того ради принуждены поворотитца, посадя в Дербени доброй гварнизон. И идучи назад, нашли место на реке Сулаку зело изрядное, крепкое и пажитное, где зделали крепость и имяновали Святаго Креста, которое место лутче того места, где первой транжамент, а Терка сто раз удобнее. Тут же прибыли к нам калмыки, которых мы, и с ними тысячу казаков, купя им у калмык лошадей, послали на усмея, котораго намерены были сами посетить, но, за скудостью и худобою оставших лошадей, того учинить не могли, которые, слава богу, там нарочито погостили, чем прилагаем при сем реляцию. Потом, отправя конницу сухим путём, сами морем с пехотою прибыли сюды, слава богу, все в добром здоровьи».

Войска не имели надёжных коммуникаций, не располагали опорными пунктами (за исключением Дербента) и не чувствовали себя в безопасности на дорогах и переправах; противник мог легко уходить в горы и оттуда наносить удары. Флот же не обладал безопасными гаванями и оказался не в состоянии обеспечить снабжение армии. Фрукты, ягоды и овощи не могли заменить армейского провианта, а заготовить его на месте и обеспечить содержание значительной полевой армии оказалось невозможно.

Российское командование впервые непосредственно столкнулось с дробностью местных этнических и политических структур, с которыми надо было налаживать отношения и учитывать их взаимное соперничество. В этих условиях всякий более-менее самостоятельный «владелец» из принёсшего присягу подданного легко обращался в «изменника», но при этом не чувствовал себя таковым перед лицом иноверной власти и по давней традиции фактического неподчинения шаху или любому другому правителю. Своё «подданство» он понимал как временный и свободный союз с чужим далёким государем, платящим ему за лояльность (но не за реальную службу!) и поддерживающим его интересы; отношения же, ставшие невыгодными, в любое время могут

быть расторгнуты. Адиль-Гирей мечтал с помощью царя расширить свою державу от Терека на севере до Баку на юге, что едва ли соответствовало российским планам. Столь отличное от российских реалий понимание «подданства» неизбежно должно было со временем привести к конфликтам.

Формально покоровившиеся «владельцы» стремились использовать новую силу к своей выгоде. Старший брат шамхала Муртаза-Али просил сделать шамхалом его, поскольку Адиль-Гирей «утаивал» изменников и не дал аманатов. А «шамхал горской», в свою очередь, был недоволен тем, что царь пожаловал его брату селение Казанище, сетовал на постоянные «обиды» от русских войск, просил жалованье и военную помощь, чтобы «управитца» с подданными-кумыками, которые от него «лица отвратили», наконец, желал получить под свою власть слободы вблизи Терского городка, населённые выходцами из Кабарды, Чечни и Ингушетии, а также Дербент, Баку и ещё «5 деревень в Мескурской земле, одна деревня в Ширване и одна в Баку», якобы данные ему по указу шаха.

В августе 1722 года шамхал жаловался на калмыков и донских казаков, которые «чинили нападение на людей владения его, из оных 8 человек побили, а других переранили, и ограбили они же де в Буйнаках человек з 12, вконец разорили, побрав у них все пожитки, и 10 человек в полон взяли, да сверх того у брата его шамхалского Афуя 200 баранов отогнали». Следующую жалобу он подал после прихода в Тарки солдат: «...взяли ясырей у визиря моего 3 человека, да у дворецкого 4 человека, да у кого два и по одному, итого будет 32 ясыря, может быть, и больше насильно отняли, да войска, которые остались здесь, разорили наши деревни при Тарках, а именно Турхаль Кенди, Амирхан Кенди, также в Тарках разорили несколько дворов, из тех дворов, из тех деревень скот забрали, отчего я в великом разорении нахожусь». 7 сентября он просил выплатить возмещение за взятых у его визиря 28 человек. Затем он сетовал, что калмыки и казаки «в деревни Карабудака, которые под владением моё, 6 человек убили, 8 человек ранили, и из деревни Буйнака также, которой владею, 2 человека одна женщина, другой мужик убили и пять человек взя-

«команды»	здоровые	больные	беглые и пропавшие без вести	умершие	оставшиеся в гарнизонах и находящиеся на судах
М.А. Матюшкина (на 25 октября)	7023	2050 в Астрахани 367 в Дербенте 845 в Терках	127	1294	921
И.И. Дмитриева- Мажонова (на 25 октября)	3121	123 в Астрахани 65 оставлены на Кавказе	74	303	
Ю.Ю. Трубецкого (на 17 октября)	1498	398 в Астрахани 462 оставлены на Кавказе	14	199	337
В.Я. Левашова (на 16 октября)	1941	428	16	250	837
И.Ф. Барятинского (на 16 октября)	669	289	15	194	645
Г.Д. Юсупова (на 16 октября)	858	278	11	176	702
А.И. Румянцева (на 14 октября)	1194	232 в Астрахани 429 оставлены на Кавказе		125	
Итого:	16 304	5966	257	2541	3442

ли в полону, а именно женского полу и з двумя детьми, да Ханга, да Хасан, да з детьми, 200 баранов с пожитки брата моего, у Пав-Бега Бойнаковского взято». Адиль-Гирей просил у царя три корабля для торговли с Дербентом, свинца, кремней и пороха, но отговаривался от поставок провианта и лошадей: «Которые люди отправляютца от вашего величества мне в лошадях и в харчу докучают, а я ныне в моем правлении вольности или мочи не имею. Того ради ваше величество прошу, дабы оным повелено было вашего императорского величества указом то требование в лошадях и в харчах запретить»⁸⁷.

В походных условиях реквизиции, а то и мародёрство, были явлением обычным, тем более что солдат и казаков не особо интересовало, кому принадлежат бараны. Что же касается «ясырей», то есть пленных, захваченных кавказцами в набегах, в большинстве случаев женщин и детей, то армия отказывалась вернуть их (особенно христиан) назад в рабство, что их бывшие хозяева воспринимали как «великие обиды». «За взятую у вас на войска наша скотину деньги по достоинству вам заплачены, — объясняла царская грамота шамхалу

от 30 августа 1722 года, — а что вы просили заплатить за взятых у нас невольников христиан, и которые из оных христиан взяты в плен от людей владения вашего, за тех платить не надлежит, ибо оные, будучи у них в неволе, на них работали, буде же из тех христиан есть такие, что оных люди ваши купили, и о тех надлежит вам прислать ко двору нашему обстоятельное известие и имянные росписи, сколько числом оных взято и где и от кого оные куплены и за какую кто порознь цену куплен»⁸⁸.

Самым же страшным «неприятелем» оказались непривычные природные условия и «вредительный» климат. Судя по итоговым рапортам командиров⁸⁹, именно эти причины вызвали наибольшие потери в войсках (см. табл.).

Мы полагаем, что в общую численность регулярных войск (28 510 человек) включена не только пехота, но и драгуны. К исходу кампании больные составили 21 %, а «помершие» — 9 %. Из вышедших в поход 1719 солдат и офицеров Преображенского полка умерло 138 человек и ещё двое пропали без вести⁹⁰; таким образом, только в этой элитной части безвозвратные потери составили 8 % — и это при отсутствии реальных боевых действий. Наимень-

ший урон понесли донские казаки: 47 человек «побитыми» и 32 умершими⁹¹. Потери среди прочих нерегулярных частей нам неизвестны.

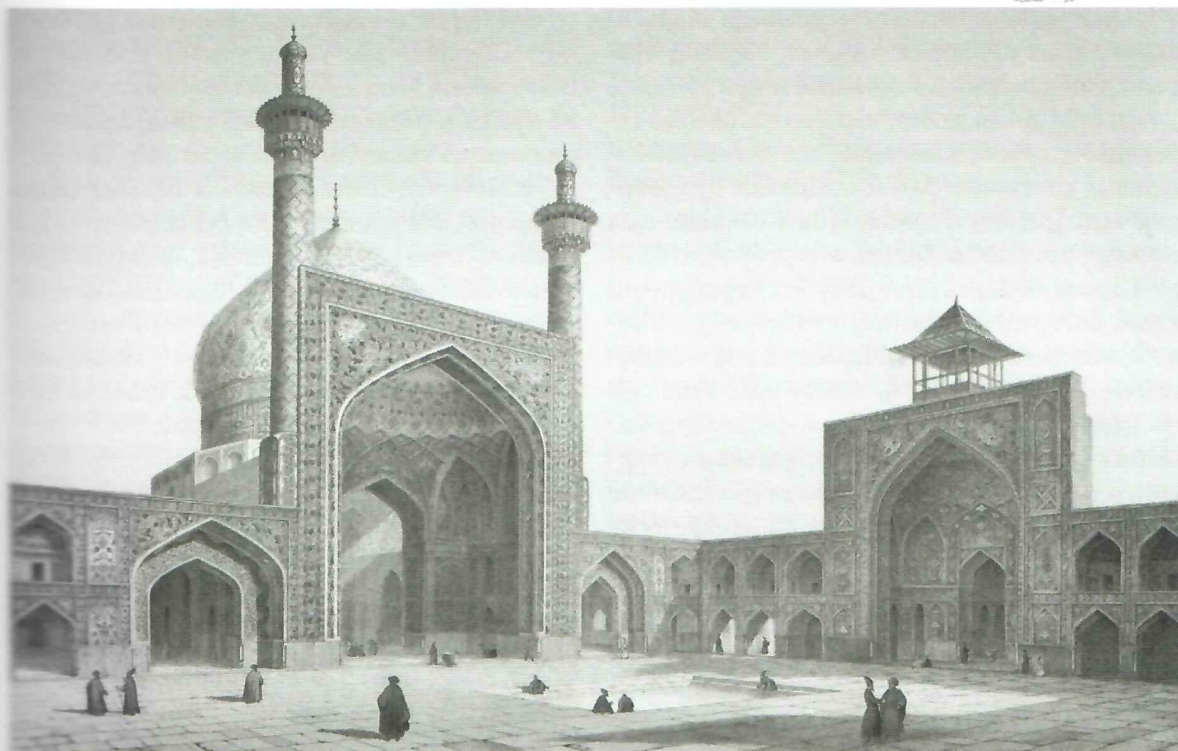
Г.С. Кропотов, с частью конницы отправленный в обратный путь посуху, 8 октября донесил: провианта на дорогу до Астрахани получил очень мало; среди лошадей падёж, и он вынужден был оставить больных и часть амуниции в городке Курдюкове на Тереке. 16 октября он сообщал, что еды осталось на сутки, а 19-го со стоянки на реке Куме — что «лошадьи стали», а люди от голода «безвременно помрут», если провиант не будет доставлен немедленно. В итоге к декабрю 1722 года 850 из 6075 вернувшихся из похода драгунов были больны; конница потеряла почти всех лошадей — годных осталось лишь 956 голов⁹². Согласно донесению генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, с начала похода до 1 января 1723 года драгунские полки потеряли 944 человека. Короткая экспедиция обошлась армии не менее чем в 3–3,5 тысячи умерших (с учётом того, что часть больных скончалась после похода). Не хватало врачей и лекарств; на требование Военной коллегии выслать к армии четырёх лекарей и десять «лекарских подмастерьев» Медицинская канцелярия ответила 1 января 1723 года: в войска откомандированы два лекаря, а больше «отправить вскоре некого», а для определения новых врачей надо писать в «немецкие земли»⁹³.

Однако, несмотря на вышеперечисленные осложнения, император считал необходимым продолжить поход. 25 октября последовали его указы: Румянцеву надлежало построить к весне следующего года 15 гекботов в Казани, а Юсупову — столько же в Нижнем Новгороде⁹⁴. Полковник А.И. Тараканов должен был закупить у калмыков и в «низовых городах» восемь тысяч лошадей; губернатор Волынский — приобрести две тысячи верблюдов, тысячу быков и 500 арб и заготовить лес для строительства крепости Святого Креста; резидент в Иране Аврамов — срочно доставить в Россию шахского посла для заключения договора. Для эффективных действий необходимо было иметь на Каспийском море большее количество кораблей, строить крепости с пристанями и продовольственными складами и действовать не многотысячной армией, а отдель-

ными отрядами одновременно в нескольких местах. Так отныне и будут поступать российские военачальники.

4 ноября 1722 года Пётр в Астрахани дал М.А. Матюшкину инструкции о продолжении кампании будущей весной: заготовить «магазины» для снабжения двадцатитысячной армии в крепости Святого Креста и Дербенте на два месяца, а в не взятом ещё Баку — на год; последнее указывает на то, что Баку должен был стать главной операционной базой действий в Закавказье в 1723 году. В этих же пунктах требовалось открыть лазареты на семь тысяч больных и раненых — Пётр I явно предполагал в будущей кампании большие потери. По весне драгунские полки и пехота с казаками вновь направлялись на строительство крепости Святого Креста, причём драгунам на этот раз предстояло зимовать уже непосредственно в крепости или на берегах Терека, казаков же следовало известить, что они не будут отпущены домой, пока не «отделают» крепость.

Главной же задачей командующего было «при самом вскрытии льду» двигаться на Баку с двухтысячным десантом и «конечно тот город достать, яко ключ всего нашего дела». Пётр, помня о ехидном ответе бакинцев, полученном им в Дербенте, указал: «Ежели без противления сдадутся, отпустить со всеми пожитки их, кроме пошлин шаховых, которых у них взять надлежит за те лета, за которых они не посылали, а делили между себя. Буде же не пожелают выйтить, то однакож велеть им, дав некоторый срок, объявляя ту причину, что их оставить не надлежит, понеже в последнем письме чрез Лунина посмеятельно ответ и лживо учинили и доброхотством, так как дербентцы, не отдались, и так верить им невозможно; а оставить только тех, которые знают все зборы, также ходят за виноградом и прочее, что нужда требует». При попытке сопротивления горожан надлежало выселять без оружия, а в случае штурма отправить всех уцелевших жителей в Астрахань и «разделить по себе» их имущество. Драгунам же и дербентскому гарнизону предстояли летние экспедиции во владения уцмий «и всех противных» и строительство ещё одной крепости под Дербентом для пресечения «коммуникаций... ус-

мезю и прочим с Дауд Бекон». Отдав эти указания, царь выехал из Астрахани в Москву. В дороге под Царицыном он распорядился отправить ранней весной в Дагестан десять тысяч украинских казаков.

В Астрахани Пётр узнал о крушении персидской монархии. Прибывший в июле 1723 года из Казвина в занятый русскими войсками Решт «грузинец Осип Абесаламани» был свидетелем того, как осаждавшие Исфахан афганцы за семь месяцев довели жителей до «великого голода» и даже людоедства. Старый шах Султан Хусейн обещал афганскому предводителю Махмуду миллион туганов, город Мешхед с округом и свою дочь в жёны — но завоеватель требовал всё его государство. 12 октября 1722 года павший дулом шах приехал в лагерь противника и вручил ему корону, кинжал, саблю и прочие знаки дарского достоинства со словами: «Отдаю тебе свой престол и царство». Через два дня Махмуд вступил в город по драгоценной парче, устилавшей улицы. Бывшего шаха повестили под стражу; победитель милостиво оставил ему трёх жён — остальных забрал себе, а дочерей Султан Хусейна выдал замуж за своих приближённых⁹⁵.

Мечеть Имама в Исфахане. Рис П. Косме, 1841 г. из. кн.: Monuments modernes de la Perse mesurés, dessinés et décrits. Paris, 1867.

Третий сын шаха Тахмасп сумел выбраться из Исфахана; он скитался по северным провинциям страны и наконец обосновался в Казвине. Здесь его и застал в августе 1722 года Аврамов. Он доложил Петру, что передал Тахмаспу предложение о союзе, однако просить об уступке провинций не рискнул: восемнадцатилетний принц «молод и ни к каким делам не заобыкновенен», а его окружение исполнено «замерзлой спеси и гордости». На второй аудиенции принц милостиво согласился отправить в Россию своего представителя Измаил-бека, который при встрече со слезами на глазах говорил Аврамову: «Вера наша и закон вконец пропадают, а у наших господ лжи и спеси не умалывается»⁹⁶. В октябре Тахмасп провозгласил себя шахом. Но у нового правителя не было ни денег, ни армии, и при приближении афганского войска он, бросив «пожитки», бежал в Тевриз, а потом в Ардебиль.

Утром 18 декабря император торжественно вступил в Первопрестольную через триум-

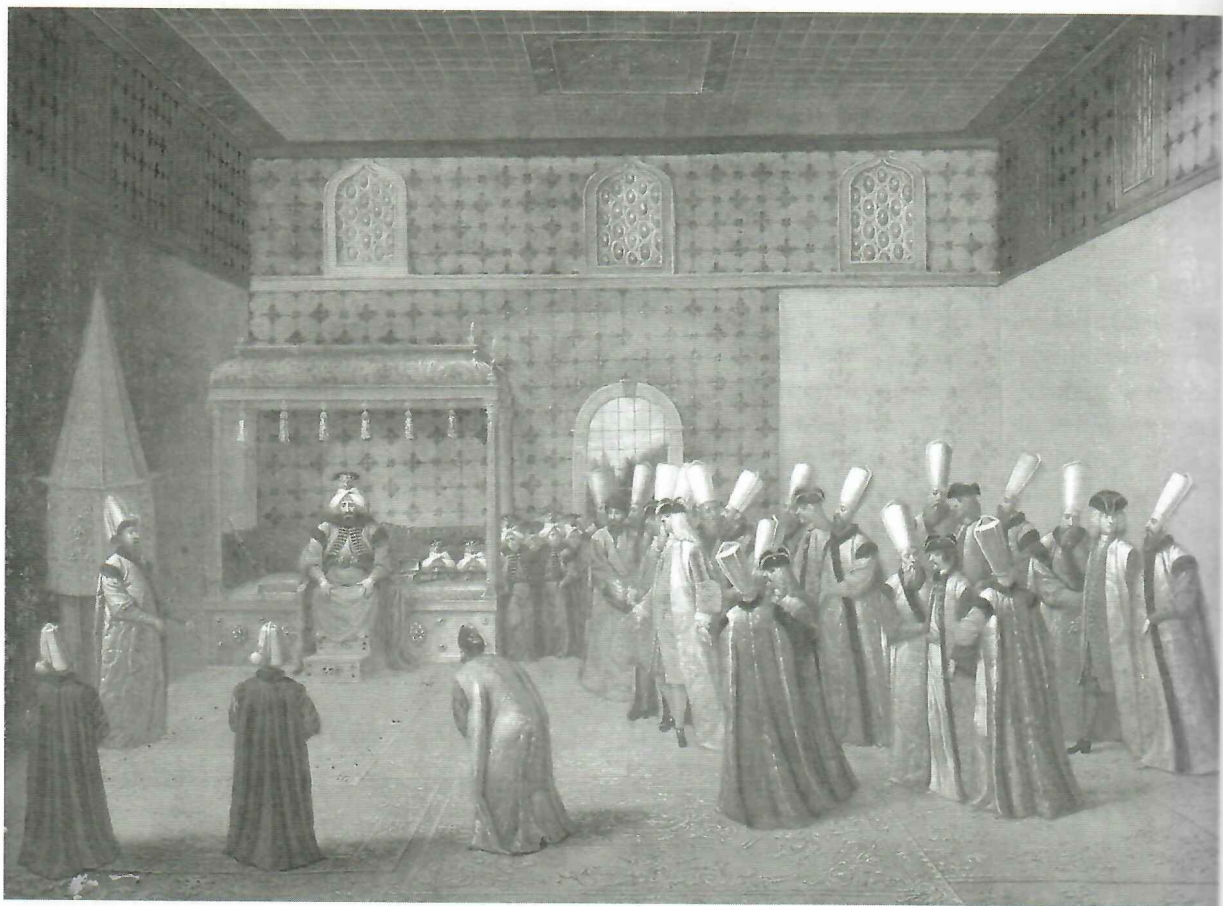
фальные ворота. Шествие открывали гвардейцы «в новых мундирах, в касках, обвитых цветами, с обнажёнными шпагами и при громкой музыке. За ними ехали, верхом же, разные генералы и другие кавалеры, все в великолепнейших костюмах. Затем следовали придворные литаврщики и трубачи, за которыми шёл офицер, нёсший на большом серебряном блюде и красной бархатной подушке серебряный ключ, который был вынесен навстречу его величеству императору из Дербента, изъявившего тем свою покорность. После того ехал сам государь, верхом, в обыкновенном зелёном, обшитом галунами мундире полковника гвардии, в небольшом чёрном парике (по причине «невыносимых жаров» в Персии он принуждён был остричь себе волосы) и шляпе, обложенной галуном, с обнажённою шпагою в руке. Позади его ехало верхом ещё довольно мно-

го офицеров и кавалеров. Наконец, несколько эскадронов драгун заключали процессию. В это время звонили во все колокола, палили из пушек и раздавались радостные восклицания многих тысяч народа и верноподданных»⁹⁷.

В Петербурге сенаторы «за здравие Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили». Феофан Прокопович откликнулся на победу речью, в которой обыграл этимологию имени Петра: «каменный» царь покорил «челюсти Кавказские», овладел «воротами железными» и отворил России дверь «в полуденные страны».

Менее торжественно подводились иные итоги. 19 декабря Штатс-контор-коллегия доложила Сенату, что расходы на провиант составили 320 048 рублей, а перед тем назвала сумму чрезвычайных расходов по Адмиралтейству — 323 057 рублей (если не вся она, то как минимум значительная её часть была связана с подготовкой похода на Каспий). Позднее, в 1731 году, Военная коллегия подсчитала, что на жалованье, артиллерию, амуницию, покупку судов и прочих припасов (за исклю-

Султан Ахмет III дает аудиенцию голландскому послу. Ок. 1727–1830 гг. (Рийксмузеум, Амстердам)

чением провианта) для похода 1722 года было истрачено 681 574 рубля⁹⁸. Таким образом, короткая военная экспедиция на Кавказ обошлась казне минимум в миллион рублей, не считая обычных расходов на армию.

Точную же стоимость военной операции установить едва ли удастся, однако ясно, что она была ещё выше. В числе сверхсметных расходов Штатс-контора указала подарки хану Аюке (тысяча золотых и меха на пять тысяч рублей) и его калмыкам (25 тысяч рублей), направленные Неплюеву в Стамбул восемь тысяч золотых и меха на 9500 рублей. Камер-коллегия известила о поставке смолы в Астрахань на 1413 рублей, а Медицинская канцелярия сообщила, что в 1722-м в Низовой корпус было отпущено лекарств на 13 512 рублей⁹⁹. Именно военные расходы стали главной статьёй рекордного роста трат «сверх окладу», составивших в 1722 году 1 684 960 рублей против 290 259 рублей в 1720-м и 580 272 рублей

в 1721-м. Значительную часть указанной итоговой суммы — 639 960 рублей — составила выплата компенсации Швеции по договору 1721 года¹⁰⁰. Кроме того, в 1722 году в России состоялись два рекрутских набора — в армию было взято 25,5 тысяч человек.

Неизвестно, что думали «многие тысячи» народа об успехах в далёких краях, доставшихся столь дорогой ценой, но сам царь на достигнутом останавливаться не собирался. В октябре он через гонца, подпоручика гвардии Ивана Толстого, передал Вахтангу VI, что в следующем году намеревается взять Шемаху¹⁰¹. Вахтанг же возвратился в Тбилиси и согласился начать переговоры с шахом, но в их успех не верил, полагая, что только присылка русских войск в Закавказье может вынудить того к уступкам. В письмах он просил императора занять Шемаху или хотя бы Баку, тем более что шах приказал ему с грузинским войском выступить на помощь¹⁰².

ДЕСАНТ В ГИЛЯН И БАКУ

Перед отъездом из Астрахани император лично проводил в опасный путь корабли с войсками, которые должны были занять иранский порт Решт «для обороны тамошних жителей от бунтовщиков лязгинцов и протчих народов». На четырнадцати кораблях эскадры капитан-лейтенанта Ф.И. Соймонова находилась полностью экипированный (вплоть до дров, сбитня и чеснока) десантный отряд полковника Никиты Михайловича Шипова. Данная ему инструкция предписывала войти в Энзелийский залив и взять под контроль Решт, столицу провинции Гилян, «выбрав удобное место близ города... и ежели неприятель придёт, оборонять сие место до последней возможности». Властям и обывателям полковник должен был объяснить, что прибыл «для их охранения», и обходиться с ними «зело приятельски и несурово, кроме кто будет противен, но ласкою, обнадёживая их всячески, а кто будет противен, и с тем поступать неприятельски». Наконец, когда жители привыкнут к российскому присутствию, можно «тогда помалу чинить знакомство со оными и разведывать не только что в городе, но и во всей Гиляни какие товары»¹⁰³.

Зимнее плавание вдоль всего Каспийского моря прошло удачно — потери составили шесть человек, смытых во время шторма. 5 декабря 1722 года корабли Соймонова вошли в Энзелийский залив — «озеро на 20 или больше вёрст в обширности», — соединённый с морем узким проливом; в залив впадала речка Перибазар, в устье которой, у селения с тем же названием, корабли стали на якорь.

Высадка в заливе труда не составила — побережье не было защищено. Рештский визирь Мамед Али-бек ответил посланному для переговоров офицеру, что без шахского указа не может разрешить русским выход на сушу. Остаться на кораблях отряд Шипова не мог

и, «оставя визирские слова», в течение 8–12 декабря занял берег и выгрузил имущество. Но дальше дело не пошло: находившиеся в чистом поле солдаты и офицеры терпели «великие дожди и грязи», не на чем было везти провиант и прочие «припасы» восемь вёрст до города, о чём Шипов рапортовал Матюшкину 29 декабря.

Мамед Али-бек стал собирать войско. Но тут, по счастью, подоспел консул Семён Аврамов. Застав в Реште «смятение», он сумел успокоить жителей и покинувшего город визиря. Тот, прибыв к войскам со свитой, поинтересовался: «...есть ли собственно его величества указ о вступлении его для защищения Гиляни от бунтовщиков. Ибо если сие подлинно на таком основании, то ему легче будет в том ответствовать пред своим государем, что он пустил российское войско в Рящ». Полковник перед строем солдат «тот указ показал визирю, который, приняв его, поцеловал с великим почтением и возвысил над своею головой». После переговоров отряд вступил в город: «Бесчисленное множество народа смотрело на идущих в преизрядном порядке и при игрании музыки наших солдат. Напротив того, наши удивлялись величине города, который вдоль и поперёк простирался на пять верст мерою, а никаким не окружён крепостным строением»¹⁰⁴.

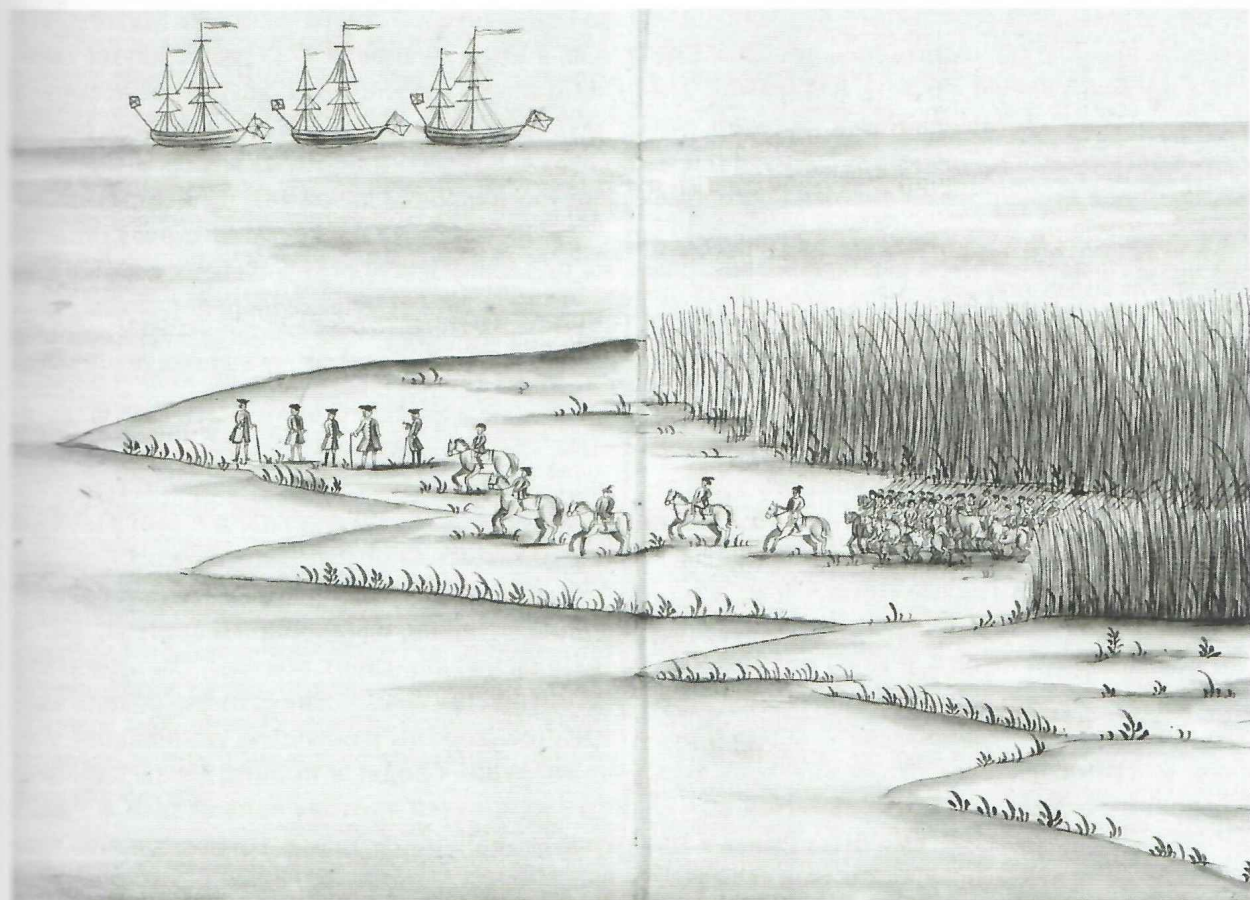
Часть своих людей Шипов оставил в Перибазаре — держать под контролем единственную дорогу к морю и охранять корабли. Остальные были размещены в приспособленном к обороне караван-сарая на краю города «между дорог Казвинской и Гилянской». Предосторожности оказались нелишними — население не выражало особой радости, тем более что ему приходилось давать лошадей для перевозки имущества, а российские служивые валили деревья на дрова. Обыватели «ухоранивали» лошадей и арбы, а солдатам объявля-

«Мы вас не звали», — и принимали российские деньги «копейку за деньгу», то есть вполцены, считая их русское серебро низкопробным. Визирь же отнекивался, что жители-де его «не слушают». Силы отряда Шипова таяли: в январе 1723 года в составе десанта находилось 795 здоровых и 315 больных солдат и офицеров; боевых потерь не было, но от болезней скончались три офицера, капрал, 28 рядовых, профос и денщик¹⁰⁵.

Несколькими месяцами ранее гилянская земля была готова пойти на всё, лишь бы получить помощь против афганцев-завоевателей. Но со временем страхи поутихли — небольшое афганское войско оказалось не в состоянии контролировать весь Иран. В занятом афганцами Казвине вспыхнуло восстание; закатчики были изгнаны с большими потерями, и завоеватель Ирана Махмуд в ярости велел казнить всех сефевидских принцев. В таких условиях рештский визирь и владельцы Кескера в Астары стали созывать в столицу провинции «вооружённых персиан», что не могло остаться незамеченным.

Известие о занятии Решта пришло в Петербург только в марте 1723 года. На радостях сам Пётр I объявил о нём горожанам с яхты во время начала навигации; «счастливой приход» отмечался молебном в Троицкой церкви, артиллерийской пальбой и весёлой гульбой государя в «вольном доме». На месте же ситуация была совсем не праздничной. В конце февраля Мамед Али-бек и ханы объявили Шипову, «что они не могут терпеть более пребывания его с войском в их земле, а в состоянии сами защищать себя от своих неприятелей, того ради и вышел бы сам, пока его к тому не понудят, на что требовали у него ответа». Боевой командир возразил, что не двинется с места «без именного его императорского величества указу», но предложил «сперва послать на судах в Дербент все тягости и по возвращении судов идти мне

Устье реки Куры. Из рукописи Ф.И. Соймонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря».
(РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 29 об.-30)

самому с войском», если приказ всё-таки будет отдан.

Тем временем в Решт прибыл назначенный иранским послом в Петербург Измаил-бек. Шах и его министры согласились было принять помощь со стороны России и вести переговоры о вознаграждении за неё — но очень скоро изменили позицию. Измаил-бек, находившийся в Гиляне на российском корабле в ожидании отплытия в Астрахань, получил указ шаха, отменявший и посольство, и обращение за помощью к русским. Другое распоряжение предписывало рештскому визирю, а также кескерскому и астаринскому ханам собрать войска и принудить Шипова покинуть Гилян.

Положение вновь спас находчивый Семён Аврамов. Он перехватил шахского курьера в одной из деревень на пути в Решт, зазвал в гости, узнал о полученных распоряжениях и угощал его, пока Шипов действовал: известил капитана Соймонова об отзыве шахом своего посла и необходимости остерегаться подпускать к кораблям персидские лодки и как можно «скорее вывести» Измаил-бека в Россию. В результате этой операции ни о чём не подозревавший Измаил-бек отправился на русском корабле выполнять свою миссию. Вместе с послом тронулся в путь и Аврамов. Пока посольский «поезд» двигался на север, русский консул успел прибыть в столицу; в мае на высочайшей аудиенции он доложил о положении дел в Иране и продемонстрировал образцы интересовавших царя персидских товаров: «анкарек гилянскова чесноку в укусе и горшечик мазандронского сахару».

По пути в Астрахань Соймонов обследовал устье Куры (Пётр не оставлял намерений сделать это место центром «восточной коммерции»); проведённые съёмки убедили капитана в том, что «сухова берегу» и удобного места для гавани здесь отыскать невозможно.

Оставшийся в Гиляне Шипов и не думал вывозить свою артиллерию — и оказался прав. Он доложил, что визирь и ханы потребовали от него немедленно «выслать» войска под угрозой их «выбить», а «доброжелательных» к русским местных жителей стали арестовывать. Полковник отвечал, что отправляться ему не на чем — корабли ушли, выйти из Решта в Перибазар он тоже не может — у солдат нет па-

латок для полевого лагеря, а на угрозы заявил, что с теми, кто попытается их исполнить, будет «поступать как с неприятелем»¹⁰⁶.

4 апреля переговоры закончились: «великое множество неприятелей» пошли на приступ «резиденции» гарнизона. Штурм был отбит ценой 10 человек убитых и 23 раненых. Началась осада, но в ночь на 7 апреля «оплошные караулы» ополченцев прозевали атаку трёх рот, закончившуюся разгромом толпы: на месте остались 321 убитый; потери отряда составили 1 убитый и 7 раненых¹⁰⁷. Неудачей закончилось и нападение на суда в Энзелийском заливе — моряки капитан-лейтенанта Золотарёва расстреляли поставленные «бунтовщиками» под руководством кескерского хана батареи и потопили их лодки.

Легко одержав победу, небольшой отряд Шипова тем не менее оставался противостоять намного превосходящим силам «неприятеля». Но Соймонов уже спешил обратно с подкреплением: Пётр I повелел отправить в Гилян пополнение под началом опытного бригадира Василия Яковлевича Левашова, которому предстояло сменить Шипова на посту «главного командира». Эскадра капитана Мятлева вышла в море 20 апреля 1723 года с двумя тысячами солдат и офицеров и двадцатью четырьмя орудиями на борту¹⁰⁸. 9 июня Левашов рапортовал о прибытии войск на место, а через месяц уже подробно доложил о начале строительства, несмотря на протесты визиря, крепости на Шемахинской дороге и о своих первых впечатлениях от новообретённых подданных Российской империи.

Бригадир возмущался действиями визиря, упорно не желавшего принимать новую политическую реальность и призывавшего жителей быть «верными шаху и бусурманской вере», отчего последние «канфузятца и в развращении ещё великом». О местных обывателях Левашов отозвался критически: «Народ зело пустоголов, а наипаче лжив, однако, признаваетца, нас не так опасны, как своих бояться». Он видел, что затянувшееся безвластие стимулировало внутренние усобицы и обычную уголовщину, когда «партии» бродяг и прочих деклассированных личностей-«лотов» занимались в Реште грабежами и убийствами. Признавая, что «мы здесь ненавидимы», он, однако, отмечал, что

тис может рассчитывать на «доброхотных» местных жителей, которые предупреждали русских о намерениях своих противников¹⁰⁹.

Находясь с подопечным послом Измаил-беком в Петербурге, Семён Аврамов 7 июня 1723 года в специальной записке подробно описал основные доходные статьи гилянского экспорта — товары (рис, шёлк и ткани — парчи, «кановаты», «объяри», «бохчи» — «платки кановатные з золотом» и серебром), которые обычно продавались турецким купцам в обмен на английские и французские сукна; по данным консула, полученным от рещтского визиря, казённые сборы от гилянского торгового составляли 130–140 тысяч рублей.

Консул сообщал начальству, что военные несли себя не очень разумно с точки зрения государственного интереса. Жители опасались русских, потому что была жива память о явившемся «за зипунами» казаках Стеньки Разина. Исправить впечатление можно было «ласковым» обхождением, но Шипову оно явно не давалось. Полковник не желал также поддерживать отношения с местными властями. «Кофе и чаю не пил и к нам в гости не ездит», — жаловался визирь Мамед Али-бек, который сам приезжал к Шипову не раз, но ответного визита не дождался. Аврамов долго убеждал местных купцов в выгоде торговли с Астраханью, а командир не желал грузить их товары на российские суда, порожняком возвращавшиеся в Астрахань: «Этот де интерес невелик». В результате торговцы собрались отправлять не привычным караванным маршрутом через «среднюю землю» к Средиземному морю¹¹⁰.

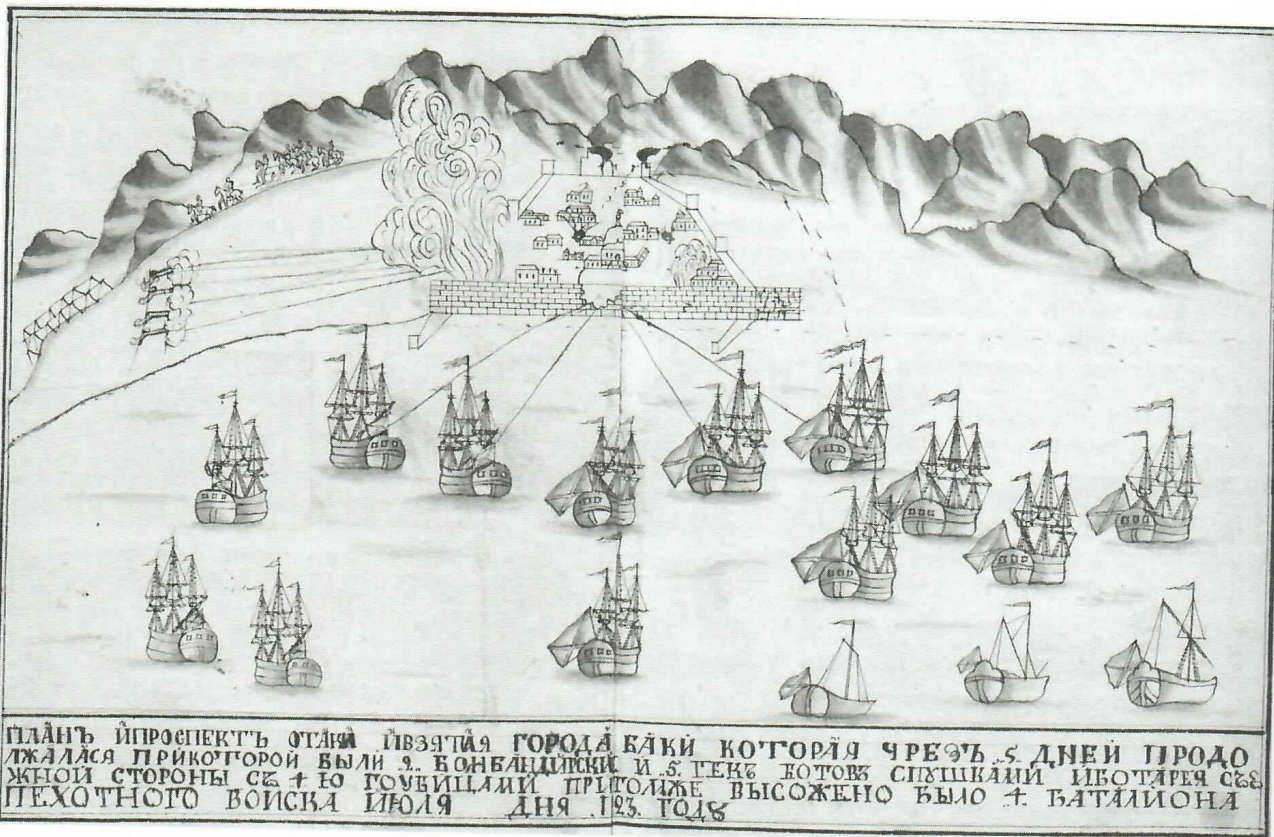
Левашов старался не повторять ошибок предшественника. Выбор царя оказался верным — бригадир на долгие годы стал разумным и предусмотрительным колониальным администратором: строил крепости, приступил к сбору пошлин, завёл отношения с местными армянами и стал получать от них достоверные сведения о положении в других провинциях Ирана. Один из его помощников Пётр Сергеев (Петрос ди Саргис Гилянентц) стал в том же году командиром армянского конного отряда на русской службе¹¹¹.

Левашов даже получил от Петра упрёк в нерешительности: «Что же пишете, что действительной силы употребить не смеете, поне-

же в указе повелено ласкою поступать, но инструкция ваша имянно гласит, чтоб налог, тесноты и грубости никакой не казать тем, кои добро обходятся, а противным противное, и хотя то о противности воинской яснее гласит, однако ж и всякую противность в том разуметь надлежит, и всеми мерами, как возможно, старайтесь, дабы сия провинция разорена не была; також с сими народы временем и к случаю надлежит гордо и отчасти грознее поступать бодро; понеже они не такой народ, как в Европе». Император приказывал продолжать строить крепости, однако употреблять силу таким образом, «дабы сия провинция разорена не была»¹¹².

Вскоре бригадир освоился в новой обстановке, однако его беспокоили небоевые потери. Ещё в июне 1723 года экспедиционный корпус в Реште насчитывал 3313 здоровых, 17 раненых и 162 больных; но уже в ноябре Левашов докладывал, что количество «больных салдат зело умножилось, и много помирает», и особенно просил прислать «лекарей» и «писарей» для ведения документации¹¹³. Император, помнивший о «заразительном» гилянском климате, в июле 1723 года распорядился «дослать рекрут» к Левашову (тысячу человек сразу и ещё тысячу «в запас»), «ибо там не без болных и умерших будет». К концу года командующий в Гиляне получил пополнение — больше тысячи молодых солдат; всего же за первые шесть месяцев 1723 года, по данным Военной коллегии, в новые владения России отправились 5947 рекрутов¹¹⁴. Они требовались не только в Гиляне — следующим шагом по утверждению на берегах Каспия стала возобновлённая экспедиция на Баку.

Царь торопил Матюшкина. Хотя Пётр и отменил «ради турецкого дела» прежние указания о масштабной операции, но всё же был намерен воплотить свою мечту о взятии Баку и строительстве международного порта в устье Куры и охранявшей его крепости, «дабы неприятель не захватил». В мае 1723 года он, получив сведения о движении к Шемахе турок и опасаясь, как бы они не заняли город первыми, чтобы опередить их и завязать с жителями переговоры до подхода основных сил, приказал: «...сколько есть судов... отправить с людьми в Баку».

«План и перспектив отаки и взятия города Баки». Из рукописи Ф.И. Соимонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 102 об.–103)

Однако Матюшкин смог выступить в поход только после отправки Левашова в Гилян. Разделённая на три части эскадра капитан-лейтенантов В.А. Урусова, П.К. Пушкина и Ф.И. Соимонова вышла в море 20 июня и без осложнений вошла в Бакинскую бухту 17 июля. В тот же день Матюшкин отправил в крепость майора Нечаева с письмом Измаил-бека к местному султану, предложением принять привезённый провиант и открыть ворота русским войскам, прибывшим «для охранения города Баки». В своём обращении генерал напомнил бакинцам, как они «посмеятельно и лживо учинили» отказ царскому посланцу в прошлом году, и выразил надежду, что теперь они поступят иначе. Однако султан Мухаммед Гуссейн отказался допустить русских в Баку «без указу шахова», о чём 19 июля заявили его представители.

Осада была недолгой. Утром 21-го числа началась высадка десанта. Эта операция была

произведена так быстро, что гарнизон не успел оказать сопротивления. Только после её окончания вышедшая из города конница попыталась атаковать русские войска, но они к этому времени уже успели построить на берегу батарею и открыли «скорую стрельбу». Не выдержав артиллерийского огня, бакинские конники поспешно устремились к городу.

Затем по городу открыли огонь орудия батареи и с семи гекботов. Бомбардировка двухпудовыми мортирами вызвала пожары, а двенадцатифунтовые пушки били по крепостной стене со стороны моря. Ответные действия оказались неэффективными: маленькие крепостные орудия не смогли соперничать с корабельной артиллерией, а конные атаки на батарею отражались русскими войсками. В результате обстрела в стене была пробита брешь, но до штурма дело не дошло.

27 июля Матюшкин отправил в Баку письмо с «последней резолюцией» о сдаче, и среди осаждённых произошёл раскол. В пять часов утра следующего дня бакинцы заявили, что сопротивляться их принуждали «некоторые противники», и от имени начальника гарнизона юзбаши Дергах Кули-бека и его брата Хаджи Эмина согласились открыть ворота. В три

часа пополудни русские части вступили в город, а жители приветствовали их «хлебом и солью», музыкой и пляской «по персицки». Городские власти преподнесли Матюшкину ключи от городских ворот. Войска заняли посты на башнях, стенах, у ворот, пороховой казны и пушек; затем в город были доставлены с кораблей 14 пушек, продовольствие и амуниция. Солдаты заняли два караван-сарая — армянский и индийский, а в «знатнейшей мечети» командование учредило гауптвахту¹¹⁵.

Вступив в Баку, Матюшкин стал наводить порядок — последовательно, но осторожно. Жители города 15 августа обратились к командующему с письмом, в котором сообщали, что султан и его братья связывались с Хаджи Даудом и были инициаторами сопротивления русским войскам, после чего Мухаммед Гуссейн был «отставлен» от всех дел, его «пожитки» описаны, а самого бывшего султана и трёх его братьев Соймонов вывез в Астрахань.

Одновременно генерал докладывал царю, что «Дергах Кули-бек и протчие обыватели являются к стороне вашего императорского величества склонны и как видица, во всём оные показывают доброжелательство». Большую часть гарнизона, состоявшего из семисот солдат под командованием юзбаши, приняли на русскую службу. В том же доношении Матюшкин объяснил, что не считает полезным выполнять пункт данной ему инструкции о высылке из города жителей-мусульман, а в настоящее время занят сбором сведений о состоянии налоговых поступлений, значительная часть которых находилась на откупе у того же султана. Кроме того, командующий был озабочен отсутствием вблизи города «конских кормов» и состоянием временно бесхозных нефтяных колодцев¹¹⁶.

Следом за занятием Баку предстояло овладеть Курой, тем более что к тому времени сальянский наиб Гуссейн-бек и талышский владелец Мир Аббас-бек успели заявить о своей покорности. Отправленный морем из Баку батальон подполковника Григория Зенбулатова высадился в устье реки и на одном из островов устроил укрепленный лагерь. Овладение Сальянами давало возможность контроли-

ровать устье Куры и пользоваться местными пастбищами, рыбными промыслами, пашнями и лесами, тогда как в Баку запасы продовольствия, «конские корма» и дрова отсутствовали: в октябре того же года туда пришлось завозить муку и дрова из Астрахани на русских кораблях¹¹⁷.

Император в ответ на известие о входе русских войск в Баку собственноручно написал Матюшкину: «Письмо ваше через адъютанта Вульфа я 4-го сего месяца получил, с великим довольством, что вы Баку получили (ибо не без сомнения от турков было); за которые ваши труды вам и всем при вас и оном деле трудившимся благодарствуем и повышаем вас чином генерала-лейтенанта, что же при сём случае вам чинить, о том прилагается указ, — добавив: — Не малое и у нас бомбардирование того вечера было тогда сия ведомость получена», — имея в виду салют в честь занятия Баку.

Вопрос о «выводе» из города «противных» российской администрации обывателей царь передал на усмотрение командующего, однако полагал полезным «сколько может быть без вреда оттоль их людей убавить, понеже хотя о турках у меня мягки ведомости, но намерение их глубоко, чего опасаться надлежит», а на российской службе оставить «для знания мест, например, человек сто конных с ружьём, а прочим от службы отказать, понеже своих имеем»¹¹⁸.

Пётр имел основания быть довольным. В отличие от 1722 года, когда сорокатысячная армия после изнурительного марша смогла прочно удержать только один Дербент, в теперешнюю кампанию сравнительно небольшими отрядами без потерь были заняты стратегически и экономически важные пункты на западном и южном берегах Каспийского моря. В июне 1723 года царь, по-видимому, считал, что шаху уже ничего не остаётся, как согласиться на все его условия. Он даже предложил Вольтеру склонить Тахмаспа к выезду в Россию, но осторожный губернатор объяснил, что на такой вариант «надежды нет». Отныне судьба кампании решалась в дипломатических битвах.

ВОСТОЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

21 сентября 1722 года русский резидент в Стамбуле Иван Неплюев был приглашён на аудиенцию к визирю и реис-эфенди (начальнику канцелярии великого визиря). Они предложили резиденту искать «сатисфакции» за погром купцов в Шемахе через турецкую «медиацию». Великий визирь Дамад Ибрагим-паша посетовал на воинственный дух российского императора: «Государь ваш сорок лет государственования своего всегда в войне препровождает и дабы де хотя малое время возымел покой на своём престоле». Высокие собеседники указали резиденту на «обиды», чинимые русскими турецким подданным, но в итоге объявили, что желают мира и отправляют к императору своего посланника для получения объяснений. За 40 червонных Неплюев узнал от придворного «друга» о состоявшемся 19 сентября совете, на котором было решено не посылать против русских войско крымского хана¹¹⁹. Но резидент также сообщил в Коллегию иностранных дел о сделанных ему «секретно» предупреждениях: на занятие русскими Шемахи турки ещё посмотрят сквозь пальцы, но дальнейших «прогрессов» и попыток привести Грузию «под свою державу» не позволят ни в коем случае¹²⁰.

В октябре Неплюев передал: пятидесяти-тысячная турецкая армия должна вторгнуться в «персицкую Жоржию» (Восточную Грузию), поскольку тамошние жители «забунтовали» и делали набеги на «лязгов» (лезгин. — *И.К.*); таким образом, турки использовали тот же предлог для вторжения, что и Пётр I. Посольство от «лязгов», добавлял дипломат, уже явилось в Стамбул и «подавает себя» в турецкое подданство. Прибывший к Неплюеву переводчик по секрету рассказал: туркам известно, что царь писал «жоржианам», «дабы они поддались под протекцию к нему», и визирь имеет в том «немалое подозрение»¹²¹.

1 декабря 1722 года в пограничную российскую крепость на Дону («новый транжамент») въехало турецкое посольство во главе с капычи-баши (дворцовым служащим, использовавшимся для выполнения ответственных поручений) Нишли Мехмед-агой и представителем великого визиря Осман-агой. В это же время другой турецкий посланник Мехмед-ага вёз крымскому хану соболью шубу, саблю и указ о признании его владельцем «над всеми догистанскими землями и князьями». Он же должен был доставить предводителю лезгин Хаджи Дауду грамоту о принятии его «в протекцию к Порте» и передать наказ: выбить русский гарнизон из Дербента и «приобщать оружием к своим владениям» другие персидские земли¹²².

Нишли Мехмеда-агу доставили в Москву, и 5 февраля 1723 года начались переговоры. Посланник зачитал «письмо» визиря, где говорилось, что во время царского похода в Дагестан русские войска находились «близ мест, которые в подданстве у высочайшей Порты», вследствие чего её подданные, черкесы и кабардинцы, «в сумнении и страхе обретались». Главная же претензия состояла в том, что во время похода в Дагестан «казак Иван называемой Хромой, имея под командою своею донских казаков и калмык подданных ваших, встретя подданных нашего славного империя купцов кефенских, карасуцких и теманских нам принадлежащих, которые имея пятьдесят четыре воза своих товаров ценою на двести мешков* и болше, ехали для купечества в сто-

* Мешок, кошелёк («кесе») — 500 курушей. Серебряный «аслани куруш» выпускался в Турции по образцу голландского левендаальдера («львиного талера» с изображённым на реверсе львом, стоящим на задних лапах), который по-русски назывался левок. В описываемое время три левка примерно равнялись двум рублям.

роны кумуцкие за реку Кубань... нападши на них, пограбил все их товары и вещи и, кроме того, что там на бою многих людей до смерти побил, но и живых взятых без остатка всех порубил»¹²³.

В Москве факт грабежа сразу признали — речь шла лишь о сумме компенсации. Проблема была в другом: турецкий посланник заявил, что русские уже получили «сатисфакцию» за погром в Шемахе, а теперь лезгины находят «в подданстве высокой Порты» и потому Пётр I должен «от них руку отнять»¹²⁴. Русская сторона возражала: о царском походе Стамбул был заранее предупреждён; русские войска не приближались к собственно турецким владениям и народам, «которые в подданстве турецком», а «фалшивые реляции» сочиняют крымские татары, которые сами совершают набеги на соседей.

На следующей «конференции» опытные дипломаты князь Г.Ф. Долгоруков и П.А. Толстой предъявили посланнику претензии по поводу действий кубанского сераскира (командующего) Бахты-Гирея, возглавившего летом 1717 года поход кубанской орды, турецких, черкесских, азовских отрядов и казаков-некрасовцев на пограничные русские земли. Татары разорили окрестности Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова и угнали в плен больше двадцати тысяч человек. Нишли Мехмед-ага от неприятной темы уклонился («о сём упоминать не надобно»), сославшись на отсутствие султанского указа. Кубанский «дели-султан» («бешеный», «шальной султан») Бахты-Гирей и без того был причиной головной боли Стамбула и Бахчисарая, поскольку действовал самовольно. В итоге стороны признали, что в приграничных ссорах ни казакам, ни татарам «во всём верить не надобно».

Далее российские представители вновь изложили свои аргументы: в подвластные Порте земли русские «никогда не хаживали»; «бунтовщики», против которых был предпринят поход, являются не турецкими, а персидскими подданными. Нишли Мехмед-ага попытался возразить, что горцы-«лязги» жили «сами собою», а теперь находятся у султана «в протекции по единоверию», но тут же получил встречный вопрос: а что если русские начнут принимать в подданство закавказских единоверцев¹²⁵? От-

ветом на привезённый Нишли Мехмедом-агой список «грабленных вещей» кафинцев был перечень русских людей, «побитых» и уведённых в татарский полон с 1715 года.

На третьей встрече российские уполномоченные заявили, что Иван Хромой арестован и по делу о грабеже купцов «розыск чинится». Но в главном вопросе ни одна из сторон на уступки не шла. Турецкому посланнику заявили: «лезги», обитающие «за горами», царя не интересуют, но от дагестанцев, живущих на побережье Каспийского моря, «руку отнять не возможно», поскольку тамошние «владельцы» (тарковский шамхал, кайтагский уцмий и «бунтовщик» утемишский султан) издавна находятся «под владением его императорского величества», а крымский хан посылал к шамхалу Адиль-Гирею письмо с предложением помощи против русских и «неприличными экспрессиями» в адрес России. Посланнику были предъявлены и ханский «лист», и письма жителей Дербента и Баку с «покорным благодарением» за защиту от «разбойников» и изъявлением «повиновения и покорности такому справедливому императору»¹²⁶. Нишли Мехмед-ага вынужден был признать, что «хан оное не хорошо учинил», и прекратил споры — «капычи баша так оное оставил». В заключение «конференции» посланнику ещё раз напомнили, что император «никоим образом допустить не может, чтоб при Каспийском море иная какая новая (то есть помимо России и Ирана. — И.К.) держава была».

На переговорах царские министры не скупались на комплименты посланнику как «годному и умному человеку». Пётр I указал дать посольству «на отпуск» мехов («соболей добрых») на тысячу рублей, а 16 и 23 февраля 1723 года распорядился доставить в Коллегию иностранных дел две тысячи золотых для особой «секретной» дачи Нишли Мехмед-аге, о которой тот в своём отчёте деликатно умолчал¹²⁷. Посольству выдавали огромные «кормовые деньги» — 1085 рублей на месяц.

Император не упустил возможности пообщаться с посланником 23 февраля на банкете у генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. По словам турка, «приложив руку к груди, он (Пётр I — И.К.) продолжил: «Вечный мир я буду хранить, как свое сердце, и того же жду от

милосердного султана. Почему он верит лживым, вероломным словам?» Царь вновь указал на карту: «Вот Черное море. Если другой владетель придёт, поселит здесь людей, будет ли ваш падишах доволен?» Мы все в гневе заявили: «Нет, никто не может посягать на это». Он улыбнулся и сказал: «Вот видите, и мы не желаем, чтобы кто-нибудь вторгся в эти места...». На вопрос посланника о возможном союзе («Однако, почтеннейший царь, слышали ли вы своими ушами от падишаха вопрос о создании союза?») Пётр ответил: «Мы желаем этого в два раза сильнее, чем вы... Давайте будем верными друзьями, никого больше не слушайте. Передайте вашему падишаху наше намерение сотрудничать»¹²⁸.

На этом миссия Нишли Мехмед-аги была завершена. Посланник и его свита отправились в обратный путь через Киев. 16 февраля 1723 года Пётр написал Неплюеву «пункты» — тезисы для достижения соглашения со Стамбулом. Император объявлял: Россия согласна «руку отнять от тех, которые не х Каспийскому морю владении имеют, и на то согласитца, что хотя оные и пот турецкою властью останутца, однакож бы войск своих туды не посылали; а напротив того, чтоб и турки от грузинцов також руку отняли, а мы також туды войска не пошлём». В случае отказа Неплюеву разрешалось предложить линию раздела прикаспийской территории, проходящую «шестью часами» езды от Каспийского моря; «а чтоб берег отдать, того учинить весма невозможно». Таким образом, Россия получала бы приморскую коммуникацию вдоль побережья Дагестана и прибрежную часть Ширвана (историческая область в Северном Азербайджане, бывшее государство ширваншахов; с 1538 года провинция Ирана. — *И.К.*) — Дербент, Мушкур, Низабад, Баку и Сальяны. Уступать эти земли Пётр не собирался ни на каких условиях; населявшие их мусульмане «турецкого закона» (сунниты) должны были либо перейти в российское подданство и состоять в нём на согласованных с Турцией условиях, либо переселиться¹²⁹.

Официальное письмо визиря, полученное Неплюевым 12 февраля, содержало решение султанского совета («дивана»): если царь вновь начнёт военную кампанию на Каспии — быть войне¹³⁰. Пётр I войны с Турцией не же-

лал, но и поступиться завоёванными провинциями, на которые возлагал столько надежд, не мог. На границе «между Азова и Транжамен-та» российские «комиссары» полковник Иван Тевяшов и ассессор Коллегии иностранных дел Михаил Ларионов несколько раз съезжались с турецкими чиновниками для урегулирования последствий грабежа казаками Краснощёкова турецких купцов. Арестованный атаман признал грех, но настаивал, что его донцы поживились не на заявленные турками 100 тысяч левков (66 666 рублей), а всего-то на 10 или 15 тысяч рублей; взятое уже давно разделено и потрачено, а потому взыскать с казаков нечего. 10 февраля царь указал Сенату выплатить туркам подтверждённые атаманом 15 тысяч рублей в счёт будущего казацкого жалованья¹³¹. (В 1726 году императрица Екатерина I простила Краснощёкова и другого арестованного за грабежи атамана Данилу Ефремова и послала обоих обратно в Дагестан. Позднее «Хромой Иван» ещё дважды — в 1727–1728 и 1733–1734 годах — водил донцов на Кавказ и заслужил известность и у своих, и у горцев.)

Весной 1723 года оборонительные мероприятия проводились вдоль всей южной границы от Волги до Днепра. 7 апреля Пётр назначил командующим на Украине одного из лучших российских полководцев — генерал-аншефа князя М.М. Голицына; ему были подчинены украинские казацкие полки, Войско Донское, воронежский губернатор, белгородский и севский воеводы. Для обороны от возможного турецкого «предвосприятия» император распорядился организовать шесть полков ландмилиции (пограничных военных формирований из местного населения); сделать сигнальные маяки, шанцы и полевые редуты; строить суда в Воронеже и Брянске для воссоздания Донской и создания Днепровской речных флотилий¹³².

Но вопрос о войне и мире решался в Стамбуле. Визирь Ибрагим-паша, положивший много сил на упорядочение финансов и сокращение расходов Порты, не хотел войны с северным соседом. С ним был солидарен французский посол в Турции Жан Луи д'Юссон маркиз де Бонак, к посредничеству которого прибегнул Петербург. Мир с Россией в то время соответствовал французским интересам: Париж

имел возможность с помощью турок угрожать Вене — своей главной сопернице в Европе; к тому же в Петербурге велись переговоры о заключении союза с Францией и браке дочери царя Елизаветы с сыном герцога Орлеанского, регента при юном короле Людовике XV. Русский резидент тоже не терял времени и одаривал турецких чиновников, предоставлявших ему копии важных документов. За ноябрь-декабрь 1722 года Неплюев раскошелся на 7754 левка (половина этой суммы пошла на подарки реису-эфенди), а с 9 января по 14 февраля 1723 года — ещё на 2569 рублей и 7431 левок¹³³. Денег, присылаемых из Петербурга, не хватало, и резидент брал займы у голландских дипломатов и константинопольских греков.

Но соглашение давалось непросто. Едва в Стамбуле согласились на переговоры при французской «медиации», как ситуация обострилась: в июне 1723 года турецкие войска вторглись в «персидскую» Грузию и взяли Тифлис, а русские вошли в Баку. Вслед за тем в итальянских газетах был опубликован присланный из Вены текст русско-иранского договора — раньше, чем сам Неплюев получил его из Петербурга. Разгневаннeе турки стали угрожать войной; визирь даже пообещал русскому резиденту «почётное» место в обозе отправлявшейся в поход турецкой армии.

Пока Неплюев уговаривал визиря в Стамбуле, посол шаха Тахмаспа, доставленный в августе 1723 года в Петербург, оказался намного сговорчивее. Измаил-бек официально попросил представителей России «о помощи и обороне от неприятеля» и объявил: если царь «пожелает себе какие места» в Иране, то «что угодно его величеству будет, то б он, посол, всё делал и поступал во всём по воле его величества, и для того он, посол, от шаха уполномочен и может всё делать»¹³⁴. В подтверждение своих широких полномочий посол предъявил данный ему шахом наказ: «Что по твоему разсуждению достойно изображено будет, того тебе и чинить»¹³⁵. Царь повелел требовать уступки «Мизандрона и Астрабата и протчих» владений, где уже находились русские войска, а также Шемахи — «если сами у турок не возьмут, то б оную нам уступили»¹³⁶. «Много просят, — пытался было возражать Измаил-бек, — негде б было шаху и жить». Но тут ему сооб-

щили, что назначенные в помощь шаху войска уже находятся в Иране и стоят «великих иждивений». Посол попросил хотя бы вернуть афганский Кандагар и выразил опасение: как бы не случилось, что провинции иранцы отдадут, а помощи не получат. Его заверили: будет заключён формальный договор; за русским правительством «не водитца... чтоб б того не содержать», после чего главный вопрос был принципиально решён¹³⁷.

Последующие встречи были посвящены обсуждению представленного российской стороной проекта договора и размера содержания русского корпуса в Иране. 2 октября Измаил-бек «своею рукой» написал для канцлера Г.И. Головкина «реестр доходам тех провинций и городов, которые уступлены быть имеют его императорскому величеству», переведённый переводчиком Маметом Тевкелёвым. Согласно этому документу общий доход казны с Ширвана, Гиляна, Мазандерана и Астрабада оценивался в огромную сумму — 2 миллиона 250 тысяч рублей, равнявшуюся почти трети русского бюджета¹³⁸.

12 сентября 1723 года Измаил-бек подписал договор, состоявший из пяти статей. В преамбуле повторялась изложенная в распространённом перед походом манифесте версия о начавшихся в Иране «великих замешаниях», во время которых мятежники «учинили убийство» и разграбили имущество российских подданных. Не желая допустить бунтовщиков «до дальнего расширения и приближения к российским границам» и «Персидского государства последней погибели», русский император предпринял поход и «некоторые города и места, на берегах Каспийского моря лежащие, которые от тех бунтовщиков в крайнее утеснение приведены были, от них оружием своим освободил и для обороны верных его шахова величества подданных войсками своими засел». После низложения шаха его законный наследник Тахмасп прислал в Россию «своего великого полномочного посла из ближних и верных слуг» с прошением о помощи. «Почтенный и пречестнейший» Измаил-бек заключил с российским императором «ненарушимый трактат», в котором последний обещал Тахмаспу «добрую и постоянную свою дружбу», обязался отправить против бунтовщиков «по-

требное число войск конницы и пехоты» и восстановить союзника «на персидском престоле».

За эту помощь, говорилось в договоре, «его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабат; и имеют оные от сего времени вечно в стороне его императорского величества остаться». Эти земли отходили к России «в награду... дабы оными содержать войско», направленное для оказания помощи шаху. Территория приморского Дагестана к северу от Дербента в договоре вообще не упоминалась — видимо, к тому времени Пётр и его министры уже считали её жителей во главе с принявшими присягу владетелями не персидскими, а своими подданными. В заключительных статьях между государствами провозглашались «вечно добрая дружба» и союз против «неприятелей», а их подданным разрешалось свободно «купечество своё отправлять»¹³⁹.

По-видимому, действия «почтенного и пречестнейшего» посла были вызваны и тяжёлым положением Ирана с бессильным шахом, не имевшим международного признания, и убеждённою самого дипломата в необходимости помощи со стороны северного соседа, пусть и на нелёгких условиях. К тому же Исмаил-бек, похоже, был искренне восхищён простым в общении, сильным и энергичным российским государем, размахом его начинаний и мощью его армии и флота. Он, в отличие от других восточных вельмож, сумел оценить военное могущество России и проявил интерес к её техническим и культурным новациям.

Камер-юнкер герцога Голштинского Фридрих Берхгольц отмечал, что персидский дипломат — «человек необыкновенно любознательный и ничего достопримечательного не оставляет здесь без внимания, за что император его очень любит». Пётр, в свою очередь, оказал гостю тёплый приём в своём любимом «парадизе». Иранца постоянно приглашали на «гуляния» и торжества. 3 сентября на ассамблее у Меншикова Пётр получил долгожданное известие о взятии Баку. «...радость его была тем более велика, что, по его собственному

уверению, он ничего больше и не желал приобрести от Персии. Её величество в честь этого события поднесла ему стакан вина, и тут только началась настоящая попойка. В 10 часов (по уверению самого князя Меншикова) было выпито уже более тысячи бутылок вина, так что в саду даже и из караульных солдат почти ни один не остался трезвым», — описал это торжество Берхгольц¹⁴⁰.

Сразу после подписания договора император повёз гостя в Адмиралтейство и сам показывал строящиеся суда и флотские «припасы». На следующий день экскурсия продолжилась на другой, «ординарной» верфи, а Пётр приказал одарить посла отрезом золотой парчи на кафтан стоимостью 100 рублей, «сороком соболей» за 300 рублей, десятью аршинами лучшего сукна, пятифунтовым серебряным кубком и полутора тысячами золотых червонных; к ним царь распорядился прибавить ещё пять тысяч рублей, а людям посла выдать 500 рублей и мехов на 200 рублей, а также отпустить им «корм с прибавкою»¹⁴¹.

14 сентября на отпускной аудиенции Исмаил-бек получил грамоту для шаха и «с великими слезами лобызал ноги императорского величества»; в честь почётного гостя палили пушки Петропавловской крепости. Через два дня посол дал ответную «ассамблею». Он знакомил гостей с блюдами персидской кухни и во «всё время обеда прислуживал и постоянно стоял за стулом императора. Пить вино персиянам хотя и запрещено, однако ж он брал его и сам начинал провозглашать все тосты. Незадолго перед тем, когда ему у великого канцлера в первый раз поднесли вина, он сказал, что по закону своему не может пить его, но что из благоговения перед императором забывает этот закон и выпьет за здоровье его императорского величества, что и сделал»¹⁴².

Затем последовал визит на яхте в Петергоф с последующим двухдневным обозрением «фанталов», дворцов и парков. Ещё целая неделя была посвящена Кронштадту и флоту — демонстрации действий галер и «морского боя» двух ботов. Боевые «потехи» сменялись пиршествами, «гулянием» под артиллерийские залпы на борту 88-пушечного линейного корабля «Северный Орёл». В Ораниенбауме гость оказался уже «зело шумен» и отбыть на предостав-

ленную ему яхту не смог. 27 сентября он вернулся в Петербург, где присутствовал на празднестве в честь годовщины битвы при Лесной и при спуске шнявы «Фаворитка» в Адмиралтействе. Исмаил-бек мог наблюдать, как император лично ставил мачту нового корабля, после чего на шняве началось пиршество, которое продолжилось в Летнем дворце с участием придворных дам и синодальных архиереев. И те и другие в итоге сделались сильно «шумны» — гвардия в этот день беспощадно потчевала всех гостей простым солдатским вином. Исмаил-бек не дрогнул перед суровым испытанием: «Великий адмирал, сидевший рядом с персидским послом, не хотел допустить, чтоб и его заставили пить *простое*, и майоры гвардии уже дали было убедить себя, но тот никак не соглашался на такое исключение и убедительно просил, чтоб ему дали водку. Получив её, он встал и сказал во всеулышание, что из уважения и любви к императору готов пить всё, что только можно пить; потом, пожелав ещё его величеству всевозможного счастья и благополучия, осушил чашу»¹⁴³.

Такая приверженность к европеизации явно была симпатична царю, и он не стремился быстрее отпустить гостя. 29 сентября в Коллегии иностранных дел Исмаил-бек получил подарки: восемь тысяч рублей червонными, девять аршин парчи, два портища сукна и деньги на дорогу; кубок и соболя дожидались его в Москве. На прощание Пётр повёл его в свою токарню в Зимнем дворце, подарил ему собственноручно сделанную табакерку из слоновой кости и «две трубки зрительные», и Исмаил-бек вновь «с великими слезами целовал его величества ноги»¹⁴⁴.

8 октября он наконец покинул гостеприимный Петербург, куда в это время уже прибыл шахский подарок — доставленный из Астрахани слон. Вслед за ним поскакали на юг с надлежащими полномочиями и ценными мехами на три тысячи рублей Семён Аврамов, получивший в награду чин секретаря (из «подлых мужиков» шагнул сразу в X класс Табели о рангах!) и унтер-лейтенант флота Борис Мещерский — добиваться ратификации договора молотым шахом Тахмаспом.

Левашову император повелел «власть и правление визирское взять на себя... ви-

зирю объявить, что ему и его служителям уже делать нечего, того ради чтоб он ехал куда похочет и с добрым манером его отпратишь; буде же скажет, что он не смеет ехать без указа шахова, то его силою не высылать, только б ни во что не вступался, и ничего не делал; также и квартиру свою визирскую уступил вам, а ежели что станет противное делать, тогда его выслать». В том же указе царь требовал немедленно отправить посольство к шаху для ратификации договора и наладить сбор налогов, а также наметил программу освоения природных ресурсов Гиляна, «где что родится», в том числе селитры, меди и свинца.

В отношении других уступленных, но ещё не занятых русскими войсками территорий Пётр был более осторожен — распорядился «к весне тебе обстоятельно к нам отписать, какие места и провинции своими людьми содержать и управлять можешь». Другим предназначенным для публичного оглашения указом бригадир назначался «верховным нашим управителем в Гиляне и над всеми по обоим сторонам лежащими провинциями, кроме Дербента, Баки и Астрабада» с теми же полномочиями, «как прежние от шахова величества тамо бывшие управители управляли и чинили»¹⁴⁵.

Оттоманская Порта объявила договор действительным, поскольку-де «принц» Тахмасп не имел никаких полномочий заключать его при живом отце Султан Хусейне. На совете, собравшемся 4 января 1724 года в султанском дворце, Дамад Ибрагим-паша поставил вопрос: «Что будем делать, примем предложение царя (об остановке наступления в Закавказье. — И.К.) и прекратим иранский поход либо сочтем данное предложение нарушением договора и начнем подготовку к походу на Россию?» Пока присутствующие колебались, великий визирь покинул заседание вместе с шейх-уль-исламом. В дело вступил французский посол: подал совету письмо, в котором убеждал советников султана, что так как ни Россия, ни Османская империя не намерены нарушать договор о мире, переговоры должны быть продолжены, хотя военные приготовления стоит продолжать — они послужат дополнительным аргументом в споре с русскими¹⁴⁶.

Явившийся на заседание султан Ахмед III склонялся к войне. Диван уже готов был объ-

явить её, но по предложению великого визиря и главного драгомана (переводчика) Порты всё же решил продолжить переговоры¹⁴⁷; присутствующие согласились с мнением французского посла и предоставили Неплюеву время, чтобы он связался с Петербургом для выработки новых предложений. Великий визирь рассчитывал получить часть бывших иранских владений без войны — она стоила бы дорого, а успех не был предрешён.

К тому же осенью 1723 года войска эрзерумского паши вели неудачные бои под Гянджой с отрядами местных жителей, армянских ополченцев и грузин под командованием кахетинского царя Константина II. «И мы имели с ними жестокий бой осемнадцать дней, и многих из них погибли великих пашей...» — писали гянджинцы бакинскому коменданту князю И.Ф. Барятинскому, прося прислать войска «на оборону провинции Генджинской»¹⁴⁸.

Не удалось туркам и поднять против русских Дагестан. Хаджи Дауд не смог выполнить поставленную перед ним задачу — «выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев». Султанский указ о передаче под его власть Ширвана имел обратный результат — местные владетели не признали выскочку-правителя и на встрече в урочище Худат договорились: «...быть Шемахе и Баке городу за шамхалом, да Мюскер, Шабран за Даудом, де Кубе и Калхан за усмеем, а городу Дербени за майсумом».

Неустанно трудились дипломаты. Неплюев заявлял туркам, что договор с Тахмаспом не противоречит интересам Османской империи; более того, царь мог бы убедить шаха уступить Порте часть территории. То же делал и де Бонак — терпеливо разъяснял, что статьи договора не содержат упоминания о провинциях, в которые вошли турецкие войска. 17 февраля 1724 года на очередной «конференции» с Неплюевым и де Бонаком Дамад Ибрагим-паша объяснил, что шейх-уль-ислам издал фет-

ву о войне против Персии, в которой говорилось, что после низложения шаха его владения стали территорией без государя и османская армия двинулась «ради учинения прогрессов в оном государстве». Остановить её по требованию царя невозможно, «однако же империя Оттоманская за то не имеет разорвать мира, разве сей государь (Пётр I. — И.К.) сам объявит войну»¹⁴⁹. Это означало, что Турция желает продолжать свои «прогрессы», но нападающей стороной быть не хочет. Когда же Дамад Ибрагим-паша предложил всё-таки заключить договор, де Бонак и Неплюев поняли, что войны не будет...

Две империи достигли компромисса, но его ценой стало крушение мечты о закавказском царстве Вахтанга VI. «Ориентальной Иверии король» по возвращении из похода вынужден был отвечать на предложение о «протекции» со стороны турок и отбиваться от нападения соперника и пока ещё верного вассала шаха — «кахетинского хана» Константина II (после перехода в ислам — Мехмед Кули-хана). Осенью и зимой 1722 года Вахтанг ждал Петра, «яко входа Христова в Иерусалим», и безуспешно просил двинуть войска к Шемахе или прислать ему «порядочный отряд конницы»¹⁵⁰. Пользуясь временным затишьем на дипломатическом фронте, Пётр сделал попытку помочь союзнику — 17 апреля отдал приказ Матюшкину отправить две тысячи драгунов в Грузию; этого было достаточно для борьбы Вахтанга с его противниками, но не с турками. Но было уже поздно. «Царь картлинцов» прислал очередное послание, в котором признал: «Мы велели сказать султану, что мы покоряемся ему». Однако это не помогло — в мае 1723 года Вахтанг VI был разбит Константином и его союзниками-лезгинами и навсегда покинул Тбилиси — ушёл в Имеретию и далее в Цхинвал. Оттуда Вахтанг прислал письмо с последней просьбой к царю: «учинить вспоможение или к себе взять»¹⁵¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОХОДА

Россия получила необходимую паузу для закрепления своего присутствия в бывших иранских владениях. Относительно спокойное принятие горскими князьями (хотя и не всеми) во главе с тарковским шамхалом российского подданства как будто облегчало задачу интеграции этих территорий в состав империи.

Поначалу так и было — местные владельцы стремились приспособиться к новой ситуации. Владелец Эндери Айдемир дал аманатов, вместе с братьями принёс присягу на Коране, обещая «никакого воровства впредь людям, живущим в новопостроенной крепости, отнюдь не чинить, и лошадей и скоту не отгонять, и людей в полон не брать»¹⁵². Осенью того же года Петру «били челом» табасаранские кадий и майсум, владельцы Аксая, Эрпели и кабардинский князь Арслан-бек Кайтукин. Казикумухский Сурхай-хан, требовавший от шамхала вывода русских войск, сам вдруг обратился в Коллегию иностранных дел с заверением, что «дружба и пароль, которой я вам дал, и ныне оное содерживается, и кто вам недруг и мне недруг, а кто вам друг, тот и мне также друг». Обращение было оставлено без ответа — его автору было «невозможно верить».

В Дербенте трудами «виноградного мастера» и его помощников заработал царский винный завод: в 1724 году им было произведено 60 бочек красного и белого «чихиря его величества». В 1723–1724 годах дербентский комендант отправлял в Астрахань партии шафрана с дербентской плантации и свежий виноград в «кадочках» к императорскому двору¹⁵³.

Дербентцы при поддержке российских солдат собрались в поход на владения нападавшего на город и его окрестности уцмия Ахмед-хана. Победители не только «отогнали скотину», но и привезли трофеи — «головы отрубленные, в том числе одна голова племянника ус-

меева»¹⁵⁴. Участники другой такой экспедиции в сентябре 1723 года разгромили деревню Митягу: «со всех сторон зажгли и всю разорили»; на обратном пути в лесу им пришлось выдерживать тяжёлый бой, в котором погибли 40 рядовых и капитан. Боевые потери вынудили Матюшкина запретить поход на деревню Магерку. Потери противника были неизвестны, поскольку горцы уносили своих убитых, а о погибших в самом селении «знать было им (русским участникам боя. — И.К.) не можно, понеже все были в ызбах и в погребях, в которые места метали гранаты»¹⁵⁵.

Ахмед-хан в письме российским властям просил «отпустить прошедшие вины», оправдываясь тем, что военные действия против дербентцев и русских вёл не он, а его «противники из лезгинского народу» во главе с «чугутанским владельцем» Магдабеком и Гайдабеком Кубадашским. Он обещал «вседушевую службу» с заверением, что «таких верных людей, как мы, не сыскивалось»¹⁵⁶, после чего присягнул и дал аманатов.

С лета 1723 года развернулось строительство главного российского форпоста на Кавказе — крепости Святого Креста; царь-инженер лично давал указания по её сооружению и утверждал чертежи. Сенатские ведомости свидетельствуют, что на Кавказ из Центральной России перебрасывалась масса «воинских припасов», хозяйственных грузов, инструментов и строительных материалов: «для дела фортеций» отправлялись верёвки, канаты, кожи, хомуты, гвозди, проволока, котлы, корыта, дёготь, мешки, зубила, клещи, мотыги, кирки, ломы, пилы, топоры, буравы, листовое железо. Особая нужда имела в строительном лесе «на бастионы под пушки» — добротных брусках и досках, которых постоянно не хватало. Туда же направлялись тысячи пудов пороха, свинец для литья пуль, пушки, фитили,

ядра, бомбы, картечь, сукна, холсты, португали и другие необходимые для обмундирования вещи, включая медные пуговицы и «козлиные штаны»¹⁵⁷. К пушкам и ружьям требовались всё новые «канониры» и «фузелёры» взамен погибших в столкновениях с горцами или умерших от болезней. По данным Военной коллегии, к июлю 1723 года на юг было отправлено 5947 рекрутов¹⁵⁸. Пополнений хватало для возмещения убыли в строевых частях, но задуманное царём масштабное преобразование края постоянно требовало рабочих рук.

План крепости Святого Креста
(РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 1539. Л. 7 об.)

На Кавказ ежегодно отправлялись донцы. В августе 1723 года Пётр решил перевести на Сулак гребенских казаков, однако те саботировали исполнение царского указа и даже стали уходить за Кубань¹⁵⁹.

В декабре 1723 года царь из своего «Зимнего дома» в Петербурге распорядился обеспечить будущие стройки рабочей силой. Новую крепость в Баку и город на Куре предстояло возводить пяти тысячам мобилизованных рабочих «из подлых самых татар» — жителей Нижегородской, Казанской и Астраханской губерний. В апреле следующего года Пётр указал включить в их число работников «из служилой мордвы и чюваши», не трогая ясачных плательщиков. Возводить бастионы крепости

Святого Креста должны были 2500 украинских «черкас», а ещё 2000 — строить дербентскую гавань¹⁶⁰. Последних в 1723 году повёл в Дагестан лубенский полковник Андрей Маркович; в 1724-м — гадячский полковник Михаил Милорадович. Указы требовали ежегодно отправлять своим ходом через северокавказские степи десять тысяч «черкас», но на деле выходило меньше: за вычетом пятидесяти семи умерших по дороге и 211 бежавших Милорадович привёл в крепость Святого Креста 7024 человека¹⁶¹. Наконец, охрану новых поселений вместо гребенских казаков пришлось нести донцам: в феврале 1724 года царь повелел отправить с Дона «с пожитками и скотиной сухим путём» 500 семей на Аграхань и другие 500 на Терек; всех новопришедших расселили по Аграхани и Сулаку¹⁶².

В мае 1724 года после торжественной коронации супруги Пётр собственноручно написал Матюшкину инструкцию по хозяйственному освоению новых провинций:

1. Крепость Святого Креста доделать по указу.
2. В Дербенте цитадель сделать к морю и гавань делать.
3. Гилян уже овладена, надлежит Мозендарт также овладеть и укрепить, а в Астрабадской пристани ежели нужно сделать крепость и для того работных людей которые определены на Куру, употребить в вышеписанные дела.
4. Баку укрепить.
5. О Куре разведать до которых мест мочно судами мелкими идтить, чтоб подлинно верно было.
6. Сахар освидетельствовать и прислать несколько и какой может быть... из оного, также и фруктов сухих.
7. О меди також подлинное свидетельство учинить, для того взять человека который пробы умеет делать.
8. Белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно.
9. Цитроны, сваря в сахаре, прислать; сего для поискать здесь мастера.

Единым словом как владение, так сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести¹⁶³.

Однако ратифицировать торжественно заключённый в Петербурге русско-иранский договор не удалось. Дипломатический вояж Аврамова и Мещерского превратился в серьёзное испытание. По дороге из Решта к шаху в Ардебиль весной 1724 года посольскому конвою пришлось выдержать сражение с четырьмя сотнями повстанцев у местечка Кесма. «Ребята де играли, не изволь гневатца, мы де, сыскав их, жестоко накажем», — извинялся рештский визирь. В течение месяца шли безуспешные переговоры. Тахмасп II принял подарок — золотой кальян, называл Петра I «дядей», однако расчёт на уступчивость шаха-изгнанника не оправдался. Его главный советник («эхтима-девлет») и другие министры, заявив, что Измаил-бек не имел полномочий на заключение договора, а в Петербурге «напоя ево пьянова, учинили трактат», «отреклись» от ратификации. «На предложения наши такие дают ответы аки люди умалишённые», — докладывал Мещерский командующему в Гиляне бригадир В.Я. Левашову. К самому же шаху, которого, по слухам, его слуги «повседневно спаивают», им пробиться так и не удалось. Тщетно Аврамов пытался «партикулярно» повлиять на персидских вельмож — он смог только выяснить, что шамхал писал шаху письма, предлагая ему взять Шемаху и «порубить» русских.

Ничего не добившись, 24 июня русские посланцы двинулись обратно. Едва они отъехали от города, как их нагнали шахские «приставы» и стали пугать окрестными разбойниками; «по отъезде их, несколько минут спустя, человек с 40 или больше ширванцов конных насккали и кричали, чтоб они без мучения головы дали себе отсечь». Дипломаты и охрана четыре часа отстреливались от нападавших и в конце концов пробились, хотя в нескольких «узких местах» на дороге в них не только стреляли, но и «с гор камня великие пуцали»¹⁶⁴. Прибывший в июне в Решт с закупленным в России товаром и встреченный с почётом Измаил-бек ехать к своему государю категорически отказался, предпочитая оставаться на русском содержании и под русской охраной.

Шамхал решил действовать самостоятельно. Имам кули-бек в июне 1724 года сообщил Матюшкину: Адиль-Гирей и уцмий Ахмед-хан отправились в поход на Шемаху, разорили

окрестные деревни, отгоняли скот, вымогали деньги и якобы заявляли при этом, что «они такое дело чинят по его императорского величества указу»¹⁶⁵. Сам шамхал в беседе с отправленным к нему из Баку переводчиком-татаринном Китаем Режеповым признал, что действовал без указа, желая взять город «для его императорского величества, а туркам в де в Шемахе быть не для чего и дела им до Шемахи нет». Грабежи закончились, как только шемахинцы согласились принять «наипами» сыновей шамхала и уцмия¹⁶⁶.

В феврале 1724 года в базарный день «верховный управитель» Левашов объявил в Реште новым царским подданным полученные им повеления вместе с увещательными «письмами» посла Измаил-бека; по окрестным селениям их разносили гонцы-армяне. Реакция оказалась неутешительной: гилянская верхушка, по мнению Левашова, была возмущена «лишением лакомств», правда, оказалась «разномысленной»; тем не менее «военные собрания» вокруг

Решта умножились, «дороги заступили и на реках крепости построили и всякими мерами народ развращают и страшат».

Располагавший четырёхтысячным гарнизоном бригадир решил не дожидаться объединения «бунтовщиков». Отряд полковника Шипова разогнал их «партию» на реке Пасахани. Вслед за тем Левашов сумел договориться с кескерским визирем — в мае отряд под командованием майора Василия Нейбуша без боя занял Кескер, находившийся в 45 верстах от Решта, и разгромил противника на р. Пасахани: 26 человек было «побито», а в качестве трофеев русским достались 13 пушек, 13 лошадей, брошенные пищажи, порох и сабли. На Кескерской дороге от Энзелийского залива была возведена новая крепость, получившая название Екатеринполь. В июле подполковник Григорий Каирев во главе отряда в 700 человек после удачного боя занял селение Куч-Испогань и город Лагиджан¹⁶⁷.

Однако на этом успехи закончились. Левашов признал: «ребелизанты» в бою уступают его войскам, но продолжать расширение российских владений на южном берегу Каспия посылкой дальних экспедиций невозможно. Жаркое лето и «нездоровый воздух» подрывали си-

Карта российских владений на южном берегу Каспийского моря. 1726 г. (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. № 111. Л. 1)

лы войск гораздо больше, чем боевые потери. На 16 июля 1724 года у Левашова из 4706 солдат и офицеров 1270 были больны, а согласно рапорту от 16 сентября на 1603 здоровых приходилось уже 2264 больных. За два месяца от болезней умерло 853 человека — при том, что в боях погибло только 8¹⁶⁸.

Повстанцы стали преследовать тех, кто сотрудничал с русскими, а увещаниям российских властей противопоставляли свои воззвания. Явившийся 5 июня 1724 года с отрезанным ухом в Решт купец Дарбыш Мамес рассказал, что в двадцати верстах от города в деревне Белесабан был «принародно» избит, ограблен и едва избежал казни. Он и доставил «бунтовскую» прокламацию, переведённую на русский язык в канцелярии Левашова: «Старшие и редовые рященские и фуминские и кучеиспоганские. Ведайте вы, которые люди исполняют бригадира бека прихоти и ему служат и в деревнях к старостам ради объявления кто пойдёт, и тому кара такая»¹⁶⁹.

Осенью Левашов вынужден был признать, что «весьма все провинции и деревни бунтуют, и при них все дороги засекли, и приезд всем пресекли, и во многих местах собрание умножаетца». В ответ начались репрессии. Русские «партии» стали расправляться с бунтовщиками. «...некоторые повешены, а некоторые четвертованы, а иные на колья посажены и в разных местах несколько дворов бунтовщицких сожжено и разорено, в которых в стенах бойницы поделаны», — докладывал генерал Петру 5 октября 1724 года. Тем не менее начавшийся сбор податей прекратился, «приход караванов отовсюду пресечен»; «кумуникации от Ряца до Перебазара и до новой крепости и от Катеринполя до Кескера с нуждою и з боем содержатца»; подчинённые Левашова могли передвигаться по гилянским дорогам только отрядами не меньше ста человек¹⁷⁰. В рапорте Матюшкину российский управитель признавал: «...дома свои оставя, [местные жители] в леса уходят, но и натуры здешних мест, рвы и каналы и беспутные уские дороги в том им помогают, а полкам беглецов сыскать невозможно. И зима по здешним теплым краям быть им в лесах не возбраняет — не так, как в других краях стужа из лесов выгоняет». «А особливо, по многим резонем как видно, под высо-

кою державою его императорского величества быть весьма не желают и в том намерены состоять», — делал он неутешительный вывод¹⁷¹.

На 1 октября 1724 года командующий Низовым корпусом располагал 13 515 здоровыми и 4651 больным солдатами и офицерами; количество выбывших из строя не могли восполнить прибывшие 2800 новобранцев¹⁷². С началом осенних штормов доставить подкрепление стало невозможно. Выступления же против русских начались и в других местах. 2 октября только что вернувшийся из Москвы в Астрахань Матюшкин доложил о трагедии, случившейся 31 августа на Куре с высадившейся командой из шестисот солдат и офицеров: «...наип сальянской из оных, зазвав к себе в гости реченного подполковника Зенбулатова и с ним были капитан и два порутчика и подпорутчик, кондуктор да 15 человек салдат, которых всех порубили, потом напали на лагерь, где стояли салдаты против ево наипова двора на другой стороне Куры реки; и был бой, и видя их сильное неприятельское нападение, убравши из лагора на бусы (лодки. — И.К.), отошли от них отводом»¹⁷³. Остатки отряда сумели добраться до Баку.

Сразу же после убийства русских офицеров и солдат в Сальяны вступил отряд, направленный Тахмаспом. Лазутчики, посланные бакинским комендантом в Сальяны, по возвращении сообщили, что четырёхтысячное шахское войско под командованием бывшего дербентского султана Алхаса прибыло в город. Ходили слухи, что шах собирается отправить на помощь бакинскому Дергах Кули-беку отряд из пятисот человек во главе с сальянским наибом. Наиб Гуссейн-бек послал своих людей «засесть у нефтяных колодезей», чтоб не допустить туда русских.

В сентябре волнения начались и в Баку. «Изменником» оказался юзбаши Дергах Кули-бек, в прошлом году выступивший за сдачу города русским и разоблачивший действия бывшего султана, ведшего переписку с Хаджи Даудом. Комендант города полковник Остафьев сообщил, что Дергах Кули-бек тайно послал слугу в Баку — передать жителям, чтобы они с семьями покинули город. Бакинцы Гаджи Селим и Селим-хан сообщили Остафьеву, что Дергах Кули-бек прислал за людьми из-за «слу-

чившегося в Сальяне несчастья». Сам же письменно оправдывался перед Остафьевым, что выехал из города по своим делам, а узнав о случившемся в Сальянах, решил, что его могут заподозрить в сговоре с сальянским наибом. Командант арестовал четырёх офицеров-юзбаши, 258 служивых и торговых людей, подозреваемых в подготовке антирусского выступления.

Тем не менее жители стали покидать Баку, «забрав жён и детей». Чем именно было вызвано возмущение, сказать трудно. Возможно, ему способствовали высылка в Астрахань бывшего султана и произведённое по указанию царя (данному в резолюциях на доклад М.А. Матюшкина от 29 мая 1724 года) сокращение числа бакинских «служивых людей» из местных «обывателей» с трёхсот до ста человек и урезание их жалованья. Кроме того, русские власти отдали нефтяные колодцы на откуп в пользу казны, тогда как раньше местные правители значительную часть этих доходов оставляли себе¹⁷⁴. Пётр распорядился отправить бывшего султана на каторгу в Рогервик¹⁷⁵. 262 человека были «забраны под караул», и командующий Матюшкин дал Остафьеву указание: всех арестованных бакинцев, кроме индийских купцов, допросить «об умыслах их и из оных для страху над винными чинить экзекуцию, а двory и пожитки переписав, запечатать, и старатца ево юзбашу Дергах Кули-бека самого поимать».

Долгие и тяжёлые переговоры с турками завершились 12 июня 1724 года подписанием договора о разделе российских и турецких приобретений в Иране. Стороны признавали, что вторжение афганского вождя Махмуда привело к свержению законной династии и «разорению Персии», а потому Турция и Россия ввели в Иран свои войска «для отобрания всех потребных... мест». Султан формально признал переход в российское владение Дербента, Баку, провинций Гилян, Мазандеран и Астрабад. Турецкая «порция» включала Тебриз и большую часть его провинции, всю Ереванскую провинцию, Хамадан и Керманшах; Ардебиль оставался во владениях шаха и должен был служить «барьером», отделявшим российские приобретения от турецких. Расстояние от Шемахи до Каспийского моря делилось по времени езды («прямою дорогою среднею ездою ехать») на

три равные части; по вычислении двух третей в сторону Шемахи надлежало поставить разграничительный знак. Другой знак ставился на пути от Дербента внутрь материка на 22-м часу езды. Эти знаки соединялись прямой линией, продолжавшейся до места слияния Аракса и Куры, которое становилось конечным пунктом раздела.

Четвёртая статья обязывала российского императора употребить «медиацию» (посредничество) и убедить Тахмаспа признать состоявшийся раздел — «или волею, или с общего совместного принуждения». Предусматривалось, что в случае его отказа Россия и Турция «по согласию» утверждают на иранском престоле какого-либо «законного государя» или, как предусматривала статья шестая, «наидостойнейшего из персиян», только не «узурпатора» Махмуда. Если же Тахмасп согласится с данным договором — то, согласно его пятой статье, султан признает его законным и суверенным шахом и может участвовать в совместных действиях по изгнанию афганцев¹⁷⁶.

Константинопольский договор, в отличие от заключённого девятью месяцами ранее русско-иранского, стал не «виртуальным», а вполне реальным актом: обе стороны добились поставленных целей (пусть и не всех — но дипломатия есть искусство возможного), и ратификация состоялась без каких-либо осложнений.

Договор, конечно, стал успехом русской дипломатии, поскольку Петербург получил признание Стамбулом «новообретённых» владений России на Каспии, почти превращавших это море в российское «озеро». Интересно, что договор не упоминал о лимитировании границы к северу от Дербента, что можно расценивать как фактическое признание прав России на эту часть Дагестана. Турция же на данном этапе отказалась от намерений покорить Персию и готова была признать её суверенитет под скипетром слабого шаха Тахмаспа.

Однако и цена успеха была немалой. Договор не остановил турецкое наступление на восток, хотя и ввёл его в «законные» рамки. Но в любом случае сохранялась угроза тонкой полосе российского побережья и проходящей по ней коммуникации. Восточная Грузия и армянские земли признавались турецкими владениями. Грузинам и армянам оставалось надеять-

ся на будущее освобождение от иноземного и иноверческого господства. Зато оказавшиеся в российской «порции» разделённых земель населённые мусульманами Ширван и Гилян ещё надлежало привести «в тихое состояние». Однако они были связаны с находившейся за сотни вёрст метрополией крайне несовершенными путями сообщения и представляли собой разрезанные по живому части социокультурной общности.

Заключённый в Стамбуле договор обеспечил признание турками российских приобретений в Закавказье, но, в свою очередь, активизировал их стремление утвердиться в бывших иранских владениях. В 1724 году турецкая армия вошла в город Хой, а затем захватила упорно сопротивлявшиеся Ереван и пограничный Хамадан. Правда, под Тебризом она потерпела поражение, но к осени всё же заняла Нахичевань, Ордубад и область Борчалы.

Вахтанг VI вынужден был просить Петра предоставить ему убежище. Император разрешил ему «ретироваться» в Россию. Кропотков начал «спасательную» операцию: 17 августа 1724 года посланная из крепости Святого Креста команда полковника Андрея Лицкина встретила царя-эмигранта «при терских вершинах близ снежных гор» Малой Кабарды. Свиту Вахтанга составляли 1185 человек: его семья, шесть епископов, 14 архимандритов, монахи, грузинские «бояре» и «шляхетство» и их слуги¹⁷⁷.

Дела на юге Пётр держал под постоянным контролем. В июне он приказал Сенату отправить в иранские провинции русских учеников и «приставливать» их к местным мастерам-шелководам. В августе указал Сенату «нарядить» на юг тысячу донских и тысячу яицких казаков и пятьсот калмыков, которые должны выступить в поход в марте 1725 года. В сентябре царь дал указания: генералу А.И. Румянцеву подговаривать турецких армян к переезду в Гилян, Матюшкину — строить «горнверк» для охраны плотины на Сулаке, Левашову — оказать помощь шахскому послу Измаил-беку, который «человек зело умной и верной своему отечеству», в чём царь лично убедился во время бесед с ним¹⁷⁸.

Ситуация в «новозавоёванных» провинциях и вокруг них стала предметом обсуж-

дения в Петербурге. Как свидетельствуют бумаги Коллегии иностранных дел, после возвращения в Россию посланника Мещерского «господа министры» (судя по подписям на докладе — канцлер Г.И. Головкин, тайный советник П.А. Толстой и тайный советник канцелярии Иностранной коллегии В.В. Степанов) подали мнения о необходимости дальнейшего воздействия на шаха Тахмаспа со стороны командующего Матюшкина и Измаил-бека.

Но на поданном 11 октября 1724 года в Шлиссельбурге докладе Пётр наложил резолюцию: «...посылать к шаху не потребно для того, что ныне от него никакой отповеди полезной быть не может; сверх того еще может быть, что они трактат подтвердят, толко требуют помощи не толко против Мирвеиза, но и против турков, и тогда хуже будет». Наиболее важным император считал ратификацию договора с султаном — после неё уже можно «соглашатся» с турками о дальнейшей судьбе Ирана или (если шах всё же утвердит трактат Измаил-бека) выступить «медиатором» между Турцией и Ираном. Впрочем, в благоразумие Тахмаспа Пётр не верил — приказал «помыслить о прибавке нерегулярных войск». Недовольного шамхала Адиль-Гирея царь распорядился «искусным и пристойным способом... поимать»¹⁷⁹.

После нового заседания «тайного совета» Коллегия иностранных дел 14 ноября повелела Г.С. Кропоткову «нежнейшими речами уласкать» Адиль-Гирея или иным «каким-нибудь способом поимать и держать ево в крепости Святого Креста за крепким присмотром в аресте». В тот же день Пётр обратился с письмом к лишённому царства Вахтангу VI: раз неразумный шах не принял трактата, то необходимо освободить его из рук «безделных министров»; при Тахмаспе «есть грузинцы в охране», которые, по присылке Вахтангом «искусного человека», смогут, «взяв его, Тахмасипа, перевезти к войску нашему в Гилян», о чём уже даны в «выщем секрете» инструкции генерал-майору Кропоткову. Однако план похищения шаха вскоре был отставлен; Пётр решил вовсе убрать бывшего царя с Кавказа и 11 декабря распорядился отправить его в столицу, где о госте «надлежащее определение учинено будет»¹⁸⁰. Об отступлении из Ирана никто не помышлял: на обоих

совещаниях речь шла об «умножении войск», прежде всего за счёт иррегулярных частей.

После совещания Пётр повелел двинуть в Дагестан ещё две тысячи донцов «в прибавок» и сделал выговор командующему¹⁸¹. Император был недоволен Матюшкиным, не спешившим выехать к войскам и испрашивавшем дополнительные инструкции: «Для чего ты в Астрахани задержался, но к великому удивлению сие слово “до указу нашего”! И что для отправления задержался — то делом, а что до указу, не знаем как разсудить. Какой тебе более указ надобно, ибо на всё имел полную инструкцию, также велено делать по тамошним конъюктурам смотря, а ехать самому велено, и ежели пропустишь зиму, ответ дашь, а что замешание там сделалось, то оттого, что Мещерского выслали, и опасаться гораздо нечего, ибо у шаха людей нет».

Ещё больше, чем гилянские «замешения», царя волновала «измена» в Баку. Он вновь приказал генералу «бакинских жителей выслать в Астрахань и оттоль сюда, оставя там сколько потребно, ежели без оных пробыть нельзя. И смотреть над жёнами и детьми, чтоб не ушли, а когда сие будет крепко, мужи жён и детей не покинут. На дербентцев также смотреть крепко надобно, и ежели кто явится в подозрении — велеть казнить, буде же замешение какое будет, или общее зло во всех или большей части — увидя то, учинить с ними тако ж, как о бакинцах писано, впрочем как всегда писали, так и ныне чинить по тамошним конъюктурам, понеже дальность описки не терпит, а что надобно какой прибавки о том немедленно писать»¹⁸².

Выбывших в результате таких мер «персов» царь рассчитывал заменить лояльными подданными-христианами. На эту роль больше всего подходили армяне и грузины, земли которых подверглись турецкому нашествию и которым Пётр при всём желании иным способом помочь не мог, не рискуя разрушить непрочный мир с Турцией. 10 ноября 1724 года Пётр подписал грамоту к католику Исайе и армянскому народу, объяснявшую, что Россия не может защищать армян на их родине, поскольку она находится в турецких владениях. Взамен в ответе на «прошение» прибывшей в Петербург делегации армян «карабахской и капанской провинций» император предлагал: «...

дабы мы вас с домами и фамилиями вашими в высокую нашу императорскую протекцию приняли и для жилища и свободного вашего впредь пребывания в новополученных наших персидских провинциях, по Каспийскому морю лежащих, удобные места отвести повелели, где б вы спокойно пребывать и христианскую свою веру без препятия по закону своему отправлять могли». Грамота предписывала российским властям на Кавказе переселенцам «с домами и фамилиями в новоприобретенных персидских провинциях для поселения удобные места отвести и в протекции содержать». Похоже, Пётр и его министры верили, что новые подданные «в кратком времени в такое состояние придти могут, что оставленные те свои провинции забудут и вне опасности от всякого басурманского нападения по закону своему пребывание иметь будут»¹⁸³.

Кроме конной армянской команды из пятидесяти человек, служивших «на своём коште» под командованием вышеупомянутого Петра Сергеева¹⁸⁴, на русской службе оказались и грузины-«милитинцы». С помощью этих частей весной и летом 1724 года войска громили персидских «бунтовщиков» под Кескером и Лагиджаном. В том же году Пётр Сергеев погиб «при атаке Рящя от кызылбаш», и «армянским конным шквadroном» стал командовать ротмистр Лазарь Христофоров (Агазар ди Хачик)¹⁸⁵. Но массового переселения армян и грузин на прикаспийские территории не произошло. А прежде лояльный шамхал, не получив от царя желаемого, явно склонялся к выходу из подданства. В декабре 1724 года Г.С. Кропотов жаловался, что «горские народы» нападают на казачьи городки, угоняют лошадей, жгут заготовленные для строительства крепости «колья» и фашины.

Перспектива преобразования прикаспийских владений и превращения их в новый центр «азиатской» коммерции становилась призрачной. Артемий Вольтерский позднее писал, что Пётр знал об убытках и военных потерях, но на любые просьбы о выводе войск из прикаспийских провинций «в том непреклонен был». Автор утверждал: если бы император был жив, то весной 1725 года непременно явился бы в Иран и «конечно покушался достигнуть до Индии; а также имел о себе наме-

рение и до Китайского государства, что я сподобился от его императорского величества по его ко мне паче достоинства моего милости сам слышать».

Командующий Низовым корпусом в Гилянне генерал-лейтенант и гвардии майор Матюшкин в рапорте от 19 января 1725 года вынужден был доложить, что эти планы нереальны:

«Всепресветлейший державнейший император, всемилостивейший государь.

Всепокорне вашему императорскому величеству рабски доношу. Будучи от Астрахани в назначенной мне путь, заезжал я в Дербень, в котором всё благополучно, и по указу вашего императорского величества крепость приказал я делать; а гавен делают, и на дело оной берут с босурманских могил камень. И зделано от зюйдовой стороны семдесят четыре сажени, глубины полдвенатцати фута; от нордовой тридцать сажень, глубины полсема фута. Токмо прошедшею осенью великим и сильным штормом попортило на зюйдовой стороне пять сажень, на нордовой пятнатцеть сажень, и камень длиною десяти футов шириною четырех футов брасало от того места, где лежали, сажень по осми и по девяти.

Тако ж был я и в Баке, в которой как салдаты, так и работные люди цынготною болезнию немогут, и на всякой день человек по пятнатцети и по дватцати умирает. И в бытность мою чрез шесть дней померло ундер афицеров и рядовых и неслужащих семдесят пять человек.

А декабря 24 дня прошедшего 724 году в Гилян я прибыл и о здешних замешательствах усмотрел, что по указу вашего императорского величества исполнить и здешние провинции в полное владение и состояние привести трудно, понеже из Ряща лутчие люди и с пожитки вышли, а осталось малое число и то подлые и скудные, и тем не надлежит быть верным. Да торговых людей армян дватцать три человека, индейцов пятдесят девят человек, и те живут на постоянных кром сараях, а домов своих и жён не имеют. Жидов семдесят пять человек, живут з жёнами и своими домами. Всего армян, индейцов и жидов сто пятдесят семь человек. А в Кескере ни одного жилого двора не осталось, тако ж и уездные реченных мест, оставя дома свои, все вышли и соединились з бун-

товщиками мусулскими, шафтенскими и кесминскими обыватели, тако ж с казылбашами, с талышинцами, с тарымхалханцы, с софиляры и з горским служилым народом, имянуемом омберлю, и стоят в собрании около Ряща и Кескера по всем дорогам.

А над реченными народы командирами: меж Кескера и Ряща в десети верстах рящинской везирь мирза Мамадали; меж Кескера и Перебазара к Зинзилинскому озеру в местечке Мухал сардаров родной брат Мамат Далихан; меж Ряща и Перебазара в деревне Посавиша помянутой деревни староста Молласайт, которые пресекают малые дороги, дабы в Рящнице не ходили. Близ Кескера на тевриской и шемахинской дорогах Миразис хан кескерской, родной брат кезелагацкого наипа Мир Абаса; на канбинской и кутумской дорогах, где приходят дороги от Вавилона, от Амадана, от Испгани и от Кашана, в месте Кутуме кутумской хан Усейн хан; меж Рящи и Лагажана на дорогах мизандронской и астрабацкой темижанской салтан, лагажанской везир да над персидским войском сардар или командир Мамат Кули хан.

З бунтовщиками и с вышеписанными народами и по другим около Ряща и Кескера и Катеринполя болшим и малым дорогам собрании, по которым дорогам из лесов и из-за каналов многою стрелбою наших людей ранят и, приходя по ночам к Ряще, дома зажигают. А от Ряща до Перебазара и от Кескера до Катеринполя посылающимся за правиантом без конвою проехать невозможно, и для того посылаютца салдат в конвои человек по сту и по полтараста на всякой день.

По прибытии моём сюды неоднократно с собранием к Ряще, к Новой крепости и к Кескеру приходили, и как против оных наши люди ходили, тогда все в лесу разбежались. Посылал я партии в те места, где их собрания, и, нашед на них, с тех мест збивали и ходили для публикации с листами в деревни их (дабы они к бунтовщикам не приставали, а жили б в своих жилищах в подданстве вашего величества), в которых никого не находили, однако ж те листы, прибыв в деревнях, оставляли. А когда возвращались реченные партии, тогда находили дороги засечены, и в тех местах из лесов по ним стреляли, а по неприятелям за ча-

Русские войска и персидские «бунтовщики» в Реште. Из рукописи Ф.И. Соймонова «Экстракт журнала описания Каспийского моря» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 45. Л. 126)

стыми здешними лесами и каналами стрелять и за ними гнать невозможно. И много помогают им здешние частые леса по каналам, которой лес подобен терновнику. А от Ряца до Кескера дорогу во многих местах лесом завалили, по которой ныне ездит[ь] невозможно, а ездят наши люди от Ряца до Перебазара, а от Перебазара водою на Катеринпол[ь] Зинзилинским озером, а от Катеринполя в Кескер сухим путём. А сколько при вышепомянутых командирах в собрании людей, о том подлинного известия не имеетца, понеже с роспросов и с пыток взятые языки объявляют разно: сказывают тысячи по три, по пяти, по осми и по десяти, а иные по тысяче и по пятисот, а подлинно никто не сказывает.

Публиковал я здесь тако ж и в Кескер послал и по дорогам при пристойных местах прибывали листы, дабы здешние и деревенские жители к бунтовщикам не приставали и жили в своих домех, а которые з бунтовщиками явятца и поиманы будут, тем учинена будет смертная казнь; а ежели станут в домех своих жить, такие будут от бунтовщиков защищены, о чём и до приезде моего им от господина брегадира Левашова опубликовано ж. И по публикации, которые были поиманы, те казнены: вешаны, головы рублены и на колья сажены; а невинные по-прежнему отпускиваны в их дома, и листы для публикации им даваны, дабы они о том ведали и жили в домех своих по-прежнему, тако ж и другим объявляли. Однако ж ничто не успевае; не хотят слышать, чтоб быть в подданстве, а к тому ж еще возбуждают их от везира, от сардара и от протчих возмутительные лживые писма, с которых при сем прилагаю копии.

Что же по указу вашего императорского величества повелено мне, освидетельствовав,

прислат[ь] сахар, фруктов сухих и цытронов в сахаре, а о меди подлинное свидетельство учинить, тако ж осмотрет[ь] сколко в Гиляни и в Мизандроне ходят за шолком и, если невеликое число, то б помалу своих обучать, и о поселении здесь российской нации, на которое сим моим покорнейше доношу. Людей российской нации поселит[ь] здесь ныне за замешательствы здешними трудно. А фрукты в Гиляни родятца в садах: помаранцы и то кислые, цытроны армиды, винные ягоды и виноград, груши шапталы, гранаты лесные и мелкого роду, а которые гранаты к вашему величеству присылалис[ь], и те были привозные. А ныне в Рящ нищем не ходят, а хотя б кто и пожелал, но собрании по дорогам проехат[ь] сюды не допускают.

И чтоб здешнею командою таких бунтовщиков унять и собрании их розогнат[ь], так же и знатные места Гилянской и Мизандронской правинцей овладеть трудно, как изволит ваше величество усмотреть из табели. А здешней народ ни по которому образу в подданство привести малолюдством невозможно, понеже здесь правинции немалые и людные, разстоянием от Ряща до Астрабата езды со вьюками шеснатцать дней, а в другую сторону от Ряща ж до Курь десять дней, а в езде в лесах жило и двор от двора живут по версте, по две и по три. Того ради прошу вашего императорского величества повелеть прислать сюда полков пять пехоты да нерегулярных, которым повелено быть в Гиляни по присланному ко мне из Правительствующего Сената указу донским, яицким, бунчужным казакам и калмыком, чтоб я здешние правинции мог в подданство вашему величеству привести.

Бывший при Низовом корпусе инженер капитан Далансон сего генваря 11 дня в Ряще умре, и ныне здесь инженера не имеетца. А для строения как в Гилянской, так и в протчих правинциях крепостей в инженерах нужда немалая. Того ради прошу вашего императорского величества повелеть прислать сюда человек двух инженеров, ибо без оных обойтитца здесь невозможно.

По указу вашего императорского величества, присланному ко мне из Правительствующего Сената, персицкому послу Измаил беку денег две тысячи рублёв дано, которыми весма

доволен и благодарит ваше величество; от двора своего о выезде никакого указа не имеет. А о шахе слышно, что в Ардебиле, токмо пишут сардар или командир над войски Магамет Кулия сагдинской да кутумской хан и протчия, выманивая ево отсюда, а особливо чтоб он пожитки свои прежде себя отправил, по которым видит он, посол, что хотят обмануть. А по прибытии моём писал к нему рященской житель купецкой человек Мухаммет Гади, объявляя, чтоб он ехал отсюды и что он для следования ево пришлёт несколько подвод с людьми и сам с тысячным числом людей встретит и привести без опасения обещает, также чтоб отправил наперёд несколько багажу своево. И оной посол, опасаяс[ь], ко двору своему уехат[ь] не намерен, а просит протекции вашего величества; и подал мне два писма запечатанные и подписанные на имя вашего величества, ис которых со одного перевод, тако ж и с вышереченных сардарского, ханского и рященского жителя Махамет Гади с писем копии при сём моём всепокорнейшем прилагаю. При сём же прилагаю известие о камандированных партиях, которые в бытность мою отправлялис[ь] для разорения неприятельских по лесам крепостей и войску собраней и для публикации с листами.

Вашего императорского величества
нижайший раб маеор Матюшкин
Из Ряща 19 генваря 1725 году»¹⁸⁶.

Предстояло думать не об Индии, а о сохранении контроля над полосой в 50–100 вёрст по западному и южному берегам Каспия. С личными силами не удалось даже занять всю провинцию Гилян: русские войска стояли в её столице Реште и нескольких укреплённых пунктах. Коммуникации постоянно прерывались; окрестные деревни приходилось «приводить в подданство» карательными экспедициями, проходившими в непривычных условиях — «по неприятелям за частыми здешними лесами и каналами стрелять и за ними гнатца невозможно». Не хватало и опыта общения с «ласкательными и коварными» людьми Востока. Большие и малые властители не терпели генеральских команд и по причине их «персидской самой глупости» перебежали к туркам или возглавляли «бунтовщиков». Простые же обыва-

тели оказались на удивление «к шахом своим любительны и верны».

Пётр I не успел получить это донесение. Когда оно было доставлено в Петербург, император был уже мёртв. Борьба придворных группировок за престол и последующее создание новой властной конфигурации отодвинули «персидские» дела на второй план, тем более что молодая империя, потеряв своего основателя, сразу столкнулась с серьёзными внешнеполитическими проблемами. Русские полки впервые вторглись в ту зону, которая в течение тысячелетий была ареной противостояния великих восточных держав. Появления там нового игрока никто не желал ни на Востоке, ни на Западе, а его возможности были существенно ограничены. Выход России в Закавказье представлял её строить отношения (отнюдь не по освоенным европейским военным и дипломатическим канонам) не только с центральными властями Ирана и Турции, но и с иными партнёрами — практически самостоятельными ха-

нами и визирями иранских провинций, азербайджанскими городами, духовными и светскими властями армянских общин, вольными дагестанскими владетелями и горскими обществами.

России пришлось на землях современного Дагестана, в прикаспийских провинциях современных Азербайджана и Ирана создавать военно-колониальную администрацию, содержать экспедиционный контингент (Низовой, или Персидский корпус) и флот, строить отношения с местной знатью, накапливать опыт взаимодействия с населением — от проведения карательных экспедиций до приспособления к местным культурно-историческим традициям. Генералы и дипломаты учились вести дипломатическую игру и осознавать на практике проблемы Кавказского региона, а офицеры, чиновники и солдаты вступали в контакт с чуждым «бусурманским» миром и укладом жизни социумов, находившихся на иной стадии развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Туманский Ф.* Описание похода государя Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // *Российский магазин.* СПб., 1793. Ч. 3; *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Т. 4. Ч. 2; Краткая летопись войнам, ведённым русскими против персиян // *Отечественные записки.* 1827. Ч. 32. С. 53–93, 169–198 (другую публикацию см.: *Записки Одесского общества истории и древностей.* 1879. Кн. 11. Смесь. С. 452–460); *Лебедев В.И.* Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1848. №7; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1; *Соловьёв С.М.* Пётр Великий на Каспийском море // *Вестник Европы.* 1868. №3. С. 163–202; *Он же.* История России с древнейших времён // *Соловьёв С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. М., 1993. С. 360–395; *Комаров В.* Персидская война 1722–1725 гг. М., 1867; *Мельгунов Г.В.* Поход Петра Великого в Персию // *Русский вестник* (далее — РВ). 1874. №3. С. 5–60; *Веселаго Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875 Ч. 1; *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и легендах. СПб., 1885. Т. 1; *Он же.* Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901. Тифлис, 1901. Т. 1.

² См.: *Зиссерман А.Л.* История 80 пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881; *Смирнов Я.* История 65 пехотного его императорского высочества наследника цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка. 1700–1892. СПб., 1892. Т. 1; *Шеленговский И.И.* История 69 пехотного Рязанского полка. Люблин, 1909. Т. 1.

³ *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. М., 1913. Т. 1.

⁴ См.: Письма и указы государей: императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой, императора Петра Второго, императрицы Анны Иоанновны, императрицы Елизаветы Петровны и персидского шаха Тахмасиба к генерал-аншефу, сенатору и орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского кавалеру Василью Яковлевичу Левашову. М., 1808; *Походный журнал 1722 г.* СПб., 1855; Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1659 г. по 1770 г. СПб., 1861; *Бумаги императора Петра I.* Изданы академиком А.Ф. Бычковым. СПб., 1873; *Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину* // РВ. 1868. №4. С. 590–

615 (предыдущая публикация: *Приказы и письма императора Петра Великого и императрицы Екатерины I к генералу Матюшкину во время войны с Персией* // *Отечественные записки.* 1827. Ч. 30.); *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898; *О персидском походе при государе Петре Великом* // *Русский архив.* 1899. №12. С. 482–491.

⁵ См.: *Лыццов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951.

⁶ *Вопросы истории.* 1952. №4. С. 106.

⁷ См., например: *Ихиллов М.М.* Значение Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.) для Дагестана. Махачкала, 1954; *Пайчадзе Г.Г.* Поход русских войск на побережье Каспийского моря 1722–1723 гг. и Грузия. Тбилиси, 1955; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958; *На пути к регулярной армии: армия и флот в эпоху Петра Великого.* СПб., 2002; *Гасанов М.М.* Каспийский поход Петра I — важный этап в истории российско-кавказских взаимоотношений // *Россия и Кавказ: история и современность: Материалы научной конференции 11–12 ноября 2004 г.* Владикавказ, 2005. С. 102–124.

⁸ См.: *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М., 1976; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976; *Ананян Ж.А.* Основные этапы армяно-русских отношений (конец XVII — первая треть XIX в.) // *История и историки.* М., 1995. С. 61–77; *История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона).* М., 1998. С. 48–57, 150–154.

⁹ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Опальный фельдмаршал // *Родина.* 1993. №12. С. 34–37; *Полиевктов М.А.* Выход к морю // *Каспийский транзит.* М., 1996. Т. 2. С. 527–534 (впервые опубликовано: *Материалы по истории Грузии.* Тбилиси, 1937. Вып. 4. С. 283–289); *Дуrows И.Г.* Провиантское обеспечение русской армии и флота в Персидском походе 1722–1723 гг. // *Кровь. Порох. Лавры: Войны России в эпоху барокко (1700–1762).* СПб., 2002. Вып. 1. С. 37–44; *Курукин И.В.* Уроки «персидской глупости»: Из истории вопроса о мытье русских сапог в Индийском океане // *Родина.* 2001. №5. С. 69–75; *Он же.* «...Провинции в полное владение и состояние привести трудно (рапорт М.А. Матюшкина Петру I от 19 января 1725 г.) // *Отечественные записки.* 2005. №4. С. 341–345.

¹⁰ См.: *Арутюнян П.Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954;

Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории народов Дагестана. М., 1965; *Он же.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и Курюю находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; *Он же.* Петербургский договор 1723 года (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. Махачкала, 1988. С. 66–83; *Он же.* Вхождение Дагестана в состав России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 15–25; *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970; *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 412–418; *Мамедова Г.Н.* Русские консулы об Азербайджане (20–60-е гг. XVIII в.). Баку, 1989; *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в кавказской политике Ирана, России и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1989; *Он же.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; История Дагестана с древнейших времён до наших дней. М., 2004. Т. 1. С. 421–430.

¹¹ См.: *Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993; История Азербайджана с древнейших времён до начала XXI века. Баку, 1998. С. 249–250.

¹² *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времён до 1801 года). Тбилиси, 2004. С. 177, 188.

¹³ *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность: Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО(У), МИД РФ. 16–17 июня 2006 г. М., 2007. С. 19.

¹⁴ См.: *Иванов В.И.* Последний поход императора. М., 1998.

¹⁵ См.: *Ягудаев Г.Г.* Гео- и этнополитические приоритеты российской власти на Южном Кавказе (с 1722 по 1924 г.). М.; Пятигорск, 2006. С. 49, 50, 56; *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2007. С. 36, 41.

¹⁶ См.: *Le Donne J.* The grand Strategy of the Russian Empire. 1650–1831. Oxford, 2004. P. 41.

¹⁷ См.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 244.

¹⁸ *Жильцов С.С., Зонн И.Е., Ушаков А.М.* Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 37.

¹⁹ См.: Россия и Восток: Учебное пособие. СПб., 2000. С. 159.

²⁰ См.: *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1994. С. 430–431.

²¹ См.: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 408–413.

²² См.: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 428–429; История России с начала XVIII до конца XIX в. / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 90.

²³ См., например: *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII–XIX в. М., 1997; *Павленко Н.И., Ляшенко Л.М., Твардовская В.А.* История России XVIII–XIX вв. М., 2003; История Европы: В 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 460 (речь идёт о возвращении в 1735 г. Ирану территорий, об уступке которых не сообщается).

²⁴ См.: *Лапин В.В.* К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII–XIX вв. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 99; *Он же.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 10–11; *Он же.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. №5. С. 182.

²⁵ См.: *Барышникова Н.В.* Кавказская политика Петра I: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Касумов Р.М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Андропова Е.В.* Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII — первой половине XVIII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2002; *Сотавов Х.Н.* Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2002; *Магомедова Р.И.* Кавказская проблема в восточной политике Англии, России и Франции в первой половине XVIII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2004; *Ашурбекова С.Р.* Прикаспийские области в международных отношениях 20–40-х гг. XVIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2006; *Саламова Н.А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2007; *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: Автореф. дис. докт. ист. наук. Махачкала, 2007; *Рахаев Ж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик, 2008; *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане в 1722–1735 гг.: проблемы кавказской политики в регионе: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 2008.

²⁶ См.: *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008. См. также: *Он же.* Военный суд в крепости Святого Креста // Вестник института археологии, истории и этнографии. Махачкала, 2005. №1. С. 105–109; *Он же.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Там же. 2006. №1. С. 26–36; *Он же.* Расположение войск гарнизона крепости Святого Креста на Кавказе. 1722–1735 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. №7.

- С. 36–38; *Он же*. Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. // Там же. 2008. №12. С. 76–77; *Он же*. Управление Дербентским гарнизоном. 1725–1735 гг. // Вопросы истории. 2009. №2. С. 160–162; *Он же*. Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона крепости Святого Креста. Махачкала, 2011.
- ²⁷ См.: Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartaru, Turkey, the West-Indies. L., 1782.
- ²⁸ Цит. по: *Гольденберг Л.А.* Фёдор Иванович Соймонов (1692–1780). М., 1966. С. 42–43.
- ²⁹ См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 5. Оп. 1. №17. Л. 11–12; Корсаков Д.А. Указ. соч. Не было ранее 1877. №1. С. 94; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 360.
- ³⁰ См.: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. №17. Л. 21, 22 об.
- ³¹ См.: Там же. Ф. 9. Отд. II. №54. Л. 640–642 (доношение от 15 августа 1721 г.).
- ³² Там же. Л. 625 об. См. также: *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера... С. 230–234.
- ³³ См.: *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера... С. 234–235.
- ³⁴ См.: *Мамедова Г.Н.* Указ. соч. С. 19.
- ³⁵ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №54. Л. 682.
- ³⁶ Там же. Л. 645–646 об.
- ³⁷ См.: Там же. Л. 661–662; *Мамедова Г.Н.* Указ. соч. С. 31, 33.
- ³⁸ См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2. Оп. 3. Св. 97. №19. Л. 28–28 об., 342–342 об.; *Смирнов Я.* Указ. соч. С. 76–77; Примечания. С. 5.
- ³⁹ См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 4. С. 300–301, 303, 305; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №60. Л. 641, 645 об.
- ⁴⁰ См.: *Дуров И.Г.* Указ. соч. С. 39.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №39. Л. 464.
- ⁴² См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. №14. Л. 243–243 об.; 8 об.–9 об.
- ⁴³ Цит. по: *Шереметев П.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 247–249.
- ⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №60. Л. 1019, 1035.
- ⁴⁵ См.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 3. Св. 97. №19. Л. 22.
- ⁴⁶ См.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 240; *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 37.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №30. Л. 151–152. См. также: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №4. Л. 1–3 об.
- ⁴⁸ См.: РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. №51. Л. 1; Ф. 9. Отд. I. №30. Л. 182, 184–185.
- ⁴⁹ Пётр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 134.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №60. Л. 373.
- ⁵¹ См.: Там же. №59. Л. 451–452 об.
- ⁵² Там же. Ф. 6. Оп. 1. №276. Ч. 2. Л. 80–87. См. также: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. М., 1993. С. 246–247.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. №51. Л. 2 об.
- ⁵⁴ Memoirs of Peter Henry Bruce. P. 268–269, 275.
- ⁵⁵ См.: *Рахаев Ж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 507–508.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №19. Л. 1.
- ⁵⁷ Memoirs of Peter Henry Bruce. P. 276–277.
- ⁵⁸ См.: Бумаги императора Петра I. С. 494.
- ⁵⁹ Memoirs of Peter Henry Bruce. P. 280–281.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №19. Л. 4–4 об.
- ⁶¹ См.: *Фёдоров Г.С.* Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. С. 86.
- ⁶² Автограф письма и копии с него для рассылки по учреждениям и представителям «генералитета» (Н.И. Репнину, И.Ф. Ромодановскому, казанскому губернатору А.П. Салтыкову и др.) см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №30. Л. 218–219 и далее.
- ⁶³ См.: *Алиев Ф.М.* Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Т. 20. Баку, 1964. №7. С. 57–58.
- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №20. Л. 12–13.
- ⁶⁵ Тексты документов см.: Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: Сборник документов. М., 1988. С. 39–40; *Рахаев Ж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 511–514, 516–517.
- ⁶⁶ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №13. Л. 87 об.
- ⁶⁷ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 318.
- ⁶⁸ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №39. Л. 494; Отд. II. №60. Л. 1046.
- ⁶⁹ См.: Там же. Отд. I. №30. Л. 207–208 (автограф Петра), 209–210 (писарская копия).
- ⁷⁰ См.: Походный журнал 1722 г. С. 139–154.
- ⁷¹ См.: *Lockhart L.* The Fall of Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 186; *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 60; *Осмаев А.Д.* Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Грозный, 1999. С. 19; *Ашурбекова С.Р.* Указ. соч. С. 20. Р.И. Магомедова считает, что в ставку Петра прибыл посол Нишли Мехмед-ага (см.: *Магомедова Р.И.* Указ. соч. С. 16). С.Р. Ашурбекова и Н.А. Сотавов ссылаются на исследование турецкого историка С. Gokse, но на указанных страницах его книги также нет свидетельств о прибытии в ставку Петра I турецкого посла с подобным требованием (см.: *Gokse S.* Kafkasya ve Osmanli imparatorlugunun Kafkasya siyaseti. Istanbul, 1979. S. 30–31).
- ⁷² Memoirs of Peter Henry Bruce. P. 289.
- ⁷³ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №22. Л. 2–4, 5–8.
- ⁷⁴ См.: Там же. №13. Л. 95–95 об.
- ⁷⁵ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 324, 328, 329.
- ⁷⁶ См.: Походный журнал 1722 г. С. 13, 76; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. №20. Л. 20 об.–22.
- ⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №15. Л. 111 об.
- ⁷⁸ См.: Там же. Отд. II. №61. Л. 863–863 об.; Походный журнал 1722 г. С. 89–90.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №30. Л. 232, 236–237.

- ⁸⁰ См.: Там же. Отд. II. №60. Л. 742–743.
- ⁸¹ См.: Ханенко Н.Д. Дневник 1719–1724 и 1754 гг. // <http://litopys.org.ua/khanenko/khan.htm>.
- ⁸² См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 691–692.
- ⁸³ Memoirs of Peter Henry Bruce. P. 291–292.
- ⁸⁴ Походный журнал 1722 г. С. 15, 82–85.
- ⁸⁵ См.: Бумаги императора Петра I. С. 498; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №59. Л. 28–28 об.
- ⁸⁶ См.: РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. №51. Л. 3–4.
- ⁸⁷ См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 31–33, 36, 38–40, 42–43, 46; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 248–253, 269–274; Чекулаев Н.Д. Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия. С. 26–28; Рахаев Ж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. М., 2012. С. 520, 525, 529.
- ⁸⁸ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. С. 253.
- ⁸⁹ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №60. Л. 1058, 1065, 1067–1068, 1071, 1109.
- ⁹⁰ См.: Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложение ко 2 тому. СПб., 1904. С. 118.
- ⁹¹ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №59. Л. 26.
- ⁹² См.: Там же. №60. Л. 364–367; №59. Л. 37.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 3. Св. 97. №19. Л. 411–411 об.
- ⁹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №39. Л. 503, 506.
- ⁹⁵ См.: Там же. Отд. II. №63. Л. 477–482.
- ⁹⁶ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722. №2. Л. 6–12.
- ⁹⁷ Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 499.
- ⁹⁸ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. №380. Л. 153 об., 222 об.; Оп. 8. №437. Л. 691, 699.
- ⁹⁹ См.: Там же. Оп. 7. №380. Л. 153 об.–154; Оп. 8. №437. Л. 702.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. Оп. 7. №380. Л. 152, 153, 222 об.
- ¹⁰¹ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 332.
- ¹⁰² См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1967. Т. 2. Ч. 2. С. 12–13; Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. С. 52–53.
- ¹⁰³ Цит. по: Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 9. С. 371.
- ¹⁰⁴ Эти подробности содержатся в составленном в последней четверти XVIII века описании похода 1722 года (см.: Муравьёва Л.Л. Военно-исторический плакат XVIII в. о Персидском походе Петра I // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 407–408; предыдущее издание: Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // РВ. 1867. №. 4. С. 579).
- ¹⁰⁵ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №8. Л. 9–12 (рапорт Н.М. Шипова М.А. Матюшкину от 29 декабря 1722 г.); РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 621–623, 672 об.
- ¹⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 710–711; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №8. Л. 96.
- ¹⁰⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №64. Л. 955–956.
- ¹⁰⁸ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/119. №63. Л. 9.
- ¹⁰⁹ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 719–720 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №8. Л. 106–108.
- ¹¹⁰ Автограф записки Аврамова см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №62. Л. 142–144 об.; другой вариант: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №4. Л. 27–28.
- ¹¹¹ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 721–722.
- ¹¹² Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову С. 18. Автограф Петра I см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. №30. Л. 389–390.
- ¹¹³ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 755, 787–788.
- ¹¹⁴ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 13. №699. Л. 140–141 об.
- ¹¹⁵ Донесение М.А. Матюшкина от 30 июля 1723 г. см.: Там же. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 739–742. См. также: Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 61.
- ¹¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 744–747 об.
- ¹¹⁷ См.: Там же. №62. Л. 735.
- ¹¹⁸ Приказы и инструкции императора Петра Велико-го генералу Матюшкину. С. 605 (письмо от 14 сентября 1723 г.).
- ¹¹⁹ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. №14. Л. 28, 30 об.–32 об.
- ¹²⁰ См.: Там же. Л. 12, 26; Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 9. С. 382–383.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №59. Л. 719–719 об., 721–722.
- ¹²² См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723 г. №5. Ч. 1. Л. 11–16 об.
- ¹²³ Там же. №12. Л. 151–156.
- ¹²⁴ Там же. Л. 182 об.
- ¹²⁵ См.: Там же. Л. 199–201 об.
- ¹²⁶ Там же. Л. 274 об.–275 об.
- ¹²⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. №384. Л. 63; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723 г. №12. Л. 330, 335.
- ¹²⁸ Цит. по: Курукин И. В., Коседжик Х. Поиск «достойной сатисфакции»: Персидский поход Петра I и посольство Нишли Мехмеда-аги в Россию в 1722–1723 гг. // Исторический вестник. 2013. №4. С. 87.
- ¹²⁹ См.: Лыцов В.П. Указ. соч. С. 136–137.
- ¹³⁰ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723 г. №5. Ч. 1. Л. 102 об.
- ¹³¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. №384. Л. 65–67, 72.
- ¹³² Инструкция Петра I М.М. Голицыну от 29 апреля 1723 г. см.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 1/47. №2. Л. 4–5 об.
- ¹³³ См.: Там же. Л. 19–20 об., 147–148 об.
- ¹³⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №12. Л. 92 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 79.
- ¹³⁶ См.: Бумаги императора Петра Великого. Изданы академиком А. Бычковым. СПб., 1873. С. 519; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №12. Л. 108.
- ¹³⁷ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №12. Л. 110–115.
- ¹³⁸ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №94. Л. 306–307. В деле о приезде посла имеется ещё один недатированный «реестр», согласно которому сборы с Гиляна, Мазандерана, Астрабада, Ленкорани и Кескера составляют 88 тысяч туманов (туман = 10 рублей. — И.К.); с Баку — шесть тысяч туманов (АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №12. Л. 108).

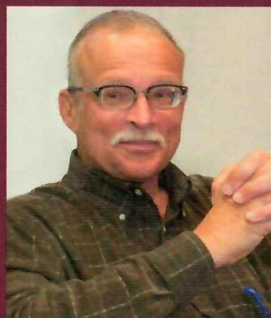
- ¹³⁹ См.: *Гаджиев В.Г.* Петербургский договор 1723 г. С. 81. Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 7. №4298; Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 175–180. См. также переиздание: Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 191–194. Текст был напечатан в 252 экземплярах, часть из них направлялась русским дипломатическим представителям за границей (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №15. Л. 32).
- ¹⁴⁰ Юность державы / Фридрих Берхгольдц. Геннинг Басевич. М., 2000. С. 152, 140–141.
- ¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. №384. Л. 936, 944, 950–950 об.
- ¹⁴² Юность державы. С. 147.
- ¹⁴³ Там же. С. 151–152.
- ¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №12. Л. 15 об.
- ¹⁴⁵ Цит. по: Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову. С. 19–25. См. также: ПСЗРИ. Т. 7. №4301 (инструкция Левашову от 16 сентября 1723 г.).
- ¹⁴⁶ См.: *Külbilge İ.* 18 Yüzyılın ilk yarısında Osmanlı-İran İlişkileri (1703–1747). İzmir, 2010. S. 159; *Küçükçelebizade Asım Efendi.* Tarihi Asım. İstanbul, 1282 [1741]. S. 146.
- ¹⁴⁷ Перипетии этих переговоров см.: *Lockhart L.* Op. cit. P. 228–232; *Маркова О.П.* Указ. соч. С. 28–30; *Сомовов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 66–67; *Мустафаев Т.Т.* Из истории русско-турецких отношений в 20-х годах XVIII в. // Отечественная история. 2002. №2. С. 24–27.
- ¹⁴⁸ Цит. по: *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 65.
- ¹⁴⁹ Цит. по: *Маркова О.А.* Указ. соч. С. 29.
- ¹⁵⁰ См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. С. 141–143, 149–151.
- ¹⁵¹ См.: Там же. С. 148; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 680, 684–685.
- ¹⁵² АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №8. Л. 30–30 об.
- ¹⁵³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №64. Л. 1016; №68. Л. 1182, 1186, 1188.
- ¹⁵⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723 г. №8. Л. 13 об.–14.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 775–776 об.
- ¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/5. 1724 г. №2. Л. 1; Оп. 77/1. 1724 г. №4. Л. 2, 7–8.
- ¹⁵⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. №699. Л. 334–340; №708. Л. 2–10.
- ¹⁵⁸ См.: Там же. №699. Л. 141–141 об.
- ¹⁵⁹ См.: Там же. Л. 344 об.; *Козлов С.А.* На кровотокащем рубеже России. Терско-Гребенское казачье войско в XVII – первой четверти XVIII в. // Военно-исторический журнал. 1994. №9. С. 48–51; *Он же.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002. С. 58.
- ¹⁶⁰ См.: Бумаги императора Петра I. С. 525–526.
- ¹⁶¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. №708. Л. 64–65, 74 об.–75, 151 об.–152.
- ¹⁶² См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 308; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 59.
- ¹⁶³ Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 606.
- ¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №66. Л. 54–61; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №4. Л. 197, 206–207. Выписку из путевого журнала послов см.: Там же. №12а. Л. 1–10.
- ¹⁶⁵ Там же. №4. Л. 190 об.
- ¹⁶⁶ См.: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 294.
- ¹⁶⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №67. Л. 417–421, 426, 454–455.
- ¹⁶⁸ См.: Там же. Л. 454, 470.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 436–436 об.
- ¹⁷⁰ См.: Там же. Л. 468–468 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №6. Л. 4; №4. Л. 265.
- ¹⁷¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №4. Л. 222 об.–223.
- ¹⁷² См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. №4. Л. 23 об.–24.
- ¹⁷³ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №4. Л. 218 об.–219.
- ¹⁷⁴ См.: *Мустафазаде Т.Т.* Указ. соч. С. 149–150.
- ¹⁷⁵ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №17. Л. 60; Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 608–609 (в публикации документа вместо «Рогервик» ошибочно стоит «Рогочевск»).
- ¹⁷⁶ См.: ПСЗРИ. Т. 7. №4531.
- ¹⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №17. Л. 54 об.–55; Отд. II. №67. Л. 244.
- ¹⁷⁸ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Л. 17; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №17. Л. 54 об.–55, 57 об.–58, 60–63 об., 71, 82–82 об., 83, 84 об.
- ¹⁷⁹ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №12. Л. 1–4, 5–6 об.; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. №37. Ч. 2. Л. 229 об.–230.
- ¹⁸⁰ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 54; РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. №51. Л. 8, 9.
- ¹⁸¹ См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1894. Ч. 1. С. 5; РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. №25. Л. 3; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №17. Л. 88 об.–89.
- ¹⁸² РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. №17. Л. 88 об.–89; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724 г. №3. Л. 2–2 об.
- ¹⁸³ Цит. по: *Эзов Г.А.* Указ. соч. С. 392, 401.
- ¹⁸⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №63. Л. 402–403.
- ¹⁸⁵ Подробнее см.: *Арутюнян П.Т.* Указ. соч. С. 212–216; *Чекулаев Н.Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. С. 76.
- ¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. №72. Л. 652–657.

*Взятие Дербента (12 августа 1722 г.). Барельеф. 1720-е гг.
Работа Б.К. Растрелли и А.К. Нартова. Красная листовая медь, чеканка.
(Государственный Эрмитаж)*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Некоторые суда к тому походу не успели»	6
Марш на Дербент	16
Победное отступление.....	23
Десант в Гилян и Баку.....	32
Восточная дипломатия	38
Результаты похода.....	45
Примечания.....	57

Курукин Игорь Владимирович (1953), выпускник Московского историко-архивного института (1975), доктор исторических наук (2005), профессор кафедры истории России средневековья и нового времени ИАИ РГГУ. Область научных интересов — социально-политическая история России XVI–XVIII вв., политический механизм монархии XVIII в., русская армия и государство в XVII–XVIII вв.

Автор более 170 работ, в том числе монографии «Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.» (Рязань, 2003), «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и нравов в России» (М., 2005), «Развилки родной истории» (М., 2005; в соавт.); «Бирон» (М., 2006), «Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина» (М., 2007), «19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы» (М., 2010), «Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия. 1722–1735» (М., 2010); «Артемий Волинский» (М., 2011), «Анна Леопольдовна» (М., 2012); Романы (М., 2012) и учебных пособий.

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком.

В серии «Ратное дело» готовятся к выходу следующие книги:

Д.С. Рябушкин. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г.

В.А. Артамонов. Дунайский поход 1711 г.

О.Ю. Куц. Азовское осадное сидение 1641 г.

А.Н. Лобин. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

И.Б. Бабулин. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)

А.И. Филюшкин. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов»
и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.

С.Г. Нелипович. Австро-русско-турецкая война 1735–1739 гг.

С.Г. Нелипович. Война за Польское наследство 1733–1736 гг.

О.А. Курбатов, Я.Н. Рабинович. Борьба за Тихвин в 1613 г.

